

ПАМЯТЬ РУССКОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ, ТРАНСЛЯЦИИ, АКТУАЛИЗАЦИИ

И.И. Глебова
ИНИОН РАН

В последние годы существенным образом изменилась тональность политических исследований, посвященных новой России. «Сегодня уже совершенно очевидно, ...что политическое развитие посткоммунистических стран может идти по множеству разнонаправленных траекторий...», – пишет А.Ю.Мельвиль¹. Вполне возможна «трансформация одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией ‘новой автократии’»². Похоже, что именно по этой траектории и движется современная Россия. Недостаточность объяснительного потенциала «парадигмы транзита» заставляет политологов обращаться к иным схемам, иным ценностно-концептуальным подходам. Широкое распространение получила, в частности, концепция предопределенности русской жизни ее прошлым³. Вероятно, мы подходим к завершению того этапа отечественной истории, когда общество пыталось самоопределиваться и идентифицировать свою политическую систему по либерально-западному образцу. В превращенном виде возрождаются прежние страхи, предрассудки, иллюзии, усиливаются мифологизм и утопизм, вообще свойственные отечественной политической культуре.

¹ Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. М., 2004. № 2 (79). С.64.

² Там же. С.71. Здесь хочется процитировать немецкого исследователя Герхарда Зимона. Еще в начале 90-х он отмечал: с развалом СССР у новых государств, возникших на его месте, появились шансы на демократию и рыночное хозяйство. Однако шансы – это еще не демократия и рыночное хозяйство, а только шансы (Simon G. Entstehung neuer Staaten auf dem Territorium der früheren Sowjetunion // Russland und Deutschland: Nachbarn in Europa. Baden-Baden, 1992. S.13-26).

³ Вот несколько типичных суждений: вместо перехода к демократии в России происходит «реконфигурация с элементами прежнего режима и плюрализма» (White S. Russia's New Politics: The Management of a Postcommunist Society. L., 2001. P.289); ограниченная, верхушечная демократия «органично вписалась в традиционно российский способ правления» (Пантин И.К. В чем же заключается выбор россиян? // Полис. М., 2003. № 6. С.158); «общество в полном смысле слова устремилось в прошлое» (Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22. P.117); «Путин усилил традиционализм, начав восстанавливать обвалившееся при Ельцине государство привычного русского типа»; «в ближайшее время нас, скорее всего, ожидает своего рода постсоветский брежневизм» (Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т.8. № 3. С.51, 52).

Одну из причин тому видят в прошлом, истории, накладывающей отпечаток на (и в определенном смысле предудстанавливающей) настоящее. Действительно, любая политическая система испытывает влияние различных традиций, ценностей, образов мыслей, присущих каждой стране⁴. Наверное, в политической культуре присутствует некая субстанциальная подоснова. Поэтому она обладает «лишь ей присущим «генетическим кодом» и ее бытование во времени в значительной степени предопределено»⁵. Однако как происходит «восстание прошлого» в мире политики, социальной жизни? Действительно ли традиция, как отрефлексируемые знания и опыт, транслируемые во времени, определяет собой русскую жизнь, сбивает ее с «правильного» течения? На мой взгляд, это сейчас один из наиболее острых и принципиальных вопросов, не имеющих однозначного ответа и требующих систематического исследования.

В этой работе прослеживается, как происходит трансляция власти в моменты подрыва оснований политической легитимности, угрожающего полным преобразованием условий доступа к власти. Кроме того, на примере партии власти выявляется, как накапливается и используется в актуальных политических практиках исторический опыт власти, пребывающей в состоянии кризиса легитимности. Все это вместе позволяет выявить специфику «памяти» власти, влияющую на характер политического наследования в России.

*Роль политического опыта
в процессах трансляции власти в России*

Важный аспект изучения темпорального бытования политики – характер трансляции верховной власти, интегрирующей и символически обосновывающей (оправдывающей) систему государственной власти вообще. «Каков бы ни был идеологический контекст, – пишет Т.Нобль, – правящая группа всегда озабочена, прежде всего, своим увековечиванием, удержанием собственных привилегий, и, что самое главное, своей продолженностью во власти»⁶. Если поместить тему «продолженности во власти» правящей группы во временной контекст, она выступает как составляющая сложной проблемы «продолженности» самой власти (ее трансляции и обеспечения ее легитимности). Преемственность власти есть условие не только стабильности элит, но и поддержания динамического равновесия политической системы в целом. Вследствие нарушений «продолженности» появляется напряженность, возникают угрозы кризисов легитимности, ведущих к колебаниям и изменениям оснований властного устройства⁷.

⁴ Aron R. Démocratie et totalitarisme. P., 1965. P.92.

⁵ Цит. по: Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк. М., 1996. С.34.

⁶ Noble T. Social Theory and Social Change. N.Y., 2000. P.115.

⁷ Здесь мы исходим из следующей теоретической посылки: один из источников социальных изменений (и связанной с ними дезорганизации) заключен в напряженности между организационными и

Эта проблема имеет особое значение для России с ее «властечцентричной» политической культурой – и, тем не менее, она остается на периферии современных исследований⁸. Мы предлагаем для ее изучения подход, в фокусе которого находится символическая природа власти, символический аспект ее воспроизводства. В качестве аналитического материала привлечены символические системы оправдания господства, лежащие в основании легитимации и определяющие порядок трансляции русской власти. Они составляют конгломерат постоянно рекомбинирующихся смыслов, одновременно формирующих восприятие власти, отношение к ней граждан и формируемых ими⁹. С трансформацией легитимирующих (и способствующих властному воспроизводству) символических систем изменяются престиж власти, ее общественное восприятие.

Борьба за «продолженность во власти» предполагает (в том числе) апелляцию правящей группы к управляемым (актуализацию коммуникации «власть» – «народ»), завоевание их доверия, эксплуатацию веры в идеальную власть – а значит, использование символического ресурса. Известная гармония или, напротив, конфликт общества с властью во многом объясняются гармонией или конфликтом доминирующих систем значений–смыслов, определяющих публичный образ власти, со сбалансированным «мнением» социального большинства, налагающего вердикт соответствия или несоответствия власти обобщенным идеальным о ней представлениям (символическому универсуму «русская власть», со временем сложившемуся в обществе и достаточно консервативному¹⁰). Собственно, тестирование на «соответствие» – «несоответствие» есть своего рода «символический контроль» социума над властью. Совпадение или «рассогласованность» властных самоощущений и ее общественного восприятия свидетельствуют о том,

---

легитимизационными аспектами социального порядка (См. об этом: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ... С.61-79).

⁸ В работах, посвященных политической легитимности, не акцентируется вопрос трансляции власти в его связи с проблемой обеспечения преемственного движения политики во времени. Уточним: под политической легитимностью понимается «признание правомерности политического господства со стороны общества» (Hattich M. Grundbegriffe der Politikwissenschaft. Darmstadt, 1980. S.81).

⁹ По мнению одного из самых известных теоретиков немецкой политической науки М.Хеттиха, распространенные в обществе представления о правомерности политического господства имеют решающее значение для стабильности политической системы; чем выше уровень согласия, отраженный в легитимирующей идее, тем стабильнее эта система. Данное поле исследования охватывается понятием «политический консенсус», посредством которого «осуществляется реальная, фактическая легитимация политического господства». Изучение этих представлений, в конечном счете, позволяет понять, «как легитимируется политическое господство и какое самопонимание политического союза проистекает отсюда» (Hattich M. Grundbegriffe ..., S.28, 57).

¹⁰ Так проявляется феномен, на который указывал Г.Зиммель: «Повсюду линия реальности скрыта под покровом социального обобщения» (Зиммель Г. Как возможно общество? // Зиммель Г. Избранное. М., 1996. Т. 2. С.516). «Социальные обобщения» (роли, о которых пишет Зиммель, а также общепринятые символы, «нормативные» образы) обладают тенденцией к авторитарности, т.е. в определенной степени диктуют членам того или иного сообщества стиль поведения, способ реакций на внешний мир, образ мышления. Или, если быть более точным, задают их параметры.

насколько сходятся определенное властью и отводимое ей обществом место в общесоциальном контексте.

Важное измерение проблемы трансляции власти – статус памяти, возможности ее актуализации для поддержания устойчивости властной системы. По точному наблюдению А.В.Дахина, «один из... индикаторов ослабления социально-исторической памяти системы власти – кризисное протекание процесса политического наследования. Когда структуры социально-исторической памяти находятся в активном состоянии, наследование власти протекает без кризисов. Если же кризисом оборачивается каждый акт политического наследования, то это свидетельствует о развитии склеротических явлений. Новая власть как бы «забывает», что было до нее, и ведет свой собственный отсчет политического времени... [Тогда] акт политического наследования влечет за собой «сброс» весомой части политической культуры и политического опыта»¹¹. Недопущение властью перерывов в преемственности (кризисов наследования) за счет изменения (или сохранения) символических оснований легитимации и трансляции позволяет характеризовать ее как динамичное и хорошо адаптируемое к внешней среде образование. Изучение же символических значений, апелляция к которым позволяет стабилизировать власть, дает возможность понять (в герменевтическом смысле слова) не только власть, но и общество: ведь это пространство их взаимодействия¹².

Самодержавие – против «властесмуты»: характер воспроизводства

«Вопрос о закономерной постановке верховной власти» еще В.О.Ключевский называл «старым и коренным вопросом русского государственного порядка»¹³. Обращение к нему позволяет понять, как происходит самопорождение власти, на чем основываются ее претензии на легитимность, как обеспечивается властная стабильность и устойчивость в те моменты, когда легитимность подорвана. Он обостряется и становится болезненным в смутные времена, разрушающие властную преемственность и сам «властепорядок». Для русского самодержавия такими были 1598–1798 гг. Фактически на два столетия, с короткими перерывами, смута поглотила власть. Тогда практически все ее персонификаторы были одновременно самодержцами и самозванцами. В такой ситуации, угрожающей самому ее существованию,

¹¹ Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. 2006. № 3. С.32.

¹² Здесь обнаруживается связь двух основных измерений феномена политического: субъективных установок по отношению к власти и институтов как «системы правил политического поведения» (эти измерения понятия политического выделяются, например: Berg Schlosser D., Maier H., Stamm Th., Einführung in die Politikwissenschaft. München, 1974. S.40).

¹³ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 3. С.135.

верховная власть прибегает к сложным, синтетическим моделям воспроизводства¹⁴.

Избранная – и в этом смысле временная – верховная власть в России с момента своего появления (в Смуте конца XVI – начала XVII вв.) базировалась на сложном сочетании противоречивых принципов – договорного, выборного, наследственного. Постепенно она сосредотачивалась на том, что позволяло вернуться к ее естественному состоянию – самодержавию, причем не формальному: стремилась не только называться таковой, но и на деле «государство свое править по своей воле»¹⁵. Системообразующим (не единственным, но главным, подчинявшим себе остальные) принципом «постановки» верховной власти являлась династическая преемственность¹⁶. При этом единственно правильным способом «отправления» верховной власти считалось – и ею самой, и народом – едино- и полновластие¹⁷.

Путь, пройденный в XVII в., наша власть в сходных (не внешне – по существу) обстоятельствах каждый раз проходит заново. С ослаблением «родовой» легитимации (и с прерыванием «династической» преемственности), под давлением «боярства» (аристократического, «привластного» элемента) она обращается к демократическому способу утверждения. Однако использует его, чтобы вернуться к единственно органичному основанию трансляции: от самой себя, власти от власти, кратократическому. При этом ведет себя осторожно, проявляя гибкость и чрезвычайную адаптивность. Стремясь восстановиться во

---

¹⁴ Вот как описывает их Ключевский: «Под действием политических понятий и потребностей, вызванных Смутой, которые не погасли и по ее прекращении, власть царя получила очень сложную и условную, сделочную конструкцию. Она была двойственна, даже двусмысленна и по своему происхождению, и по составу. Действительным ее источником было соборное избрание, но она выступала под покровом политической фикции наследственного преемства по родству. Она была связана негласным договором с высшим правительственным классом, который правил через Боярскую думу, но публично, перед народом, в официальных актах являлась самодержавной в ...неясном, скорее, титулярном, чем юридическом смысле... Таким образом, власть нового царя составлялась из двух параллельных двусмыслиц: по происхождению она была наследственно-избирательной, по составу – ограниченно-самодержавной» (Там же. Кн. 2. С.195–196).

¹⁵ Странная (с точки зрения обычной логики) «...постановка верховной власти не могла быть окончательной и прочной, – утверждает В.О.Ключевский, – она могла держаться только пока не улеглись противоречивые интересы и отношения, встревоженные и перепутанные Смутой... Постепенно верховная власть упрощалась, разнородные элементы в ее содержании ассимилировались, поглощались одни другими» (Там же. С.196).

¹⁶ Показательно, что первого выборного царя Смутного времени – Бориса Годунова – старались пристроить к «племени» Калиты «всякими способами, юридическим вымыслом, генеалогической натяжкой, риторическим преувеличением». Родственная связь со старой династией делала «природных государей» из Романовых. «Недаром Авраамий Палицын зовет Михаила «избранным от Бога прежде его рождения», а дьяк И.Тимофеев в непрерывной цепи наследственных царей ставил Михаила прямо после Федора Ивановича, игнорируя и Годунова, и Шуйского, и всех самозванцев» (Там же. С.171, 182-183).

¹⁷ Даже Василий Шуйский, «формально ограничивший свою власть, в официальных актах писался «самодержцем», как титуловались природные московские государи» (Там же. С.171). Второй Романов, Алексей Михайлович, принимал власть по двум «юридическим титулам» – по наследству без завещания и по соборному избранию, это завещание заменившему. При этом собор только подтверждал право наследования, а «закулисная сделка» с боярством, с которым царь жил в «большом ладу», не была возобновлена. Дальше – больше. «В то время как незаметно исчезали следы политических обязательств, под гнетом которых начала действовать новая династия, царь Алексей сделал попытку и Соборное избрание превратить в простой символический обряд» (Там же. С.197). Незадолго до смерти он торжественно объявил народу старшего царевича как наследника престола – этот акт и придал законный вид воцарению Федора Алексеевича (Там же.

всей полноте, она при необходимости отступает, возобновляя сложные конструкции собственного устройства¹⁸.

Случайностью выглядело в XVIII–XIX вв. петровское нарушение «правильного» (если так можно назвать тот условный порядок, который установили первые Романовы – неустойчивый, достаточно случайный, вариативный) наследования российского престола. Реформатор «отменил оба порядка престолонаследия, действовавшие прежде (и завещание, и соборное избрание), заменив то и другое личным назначением, усмотрением царствующего государя»¹⁹. Закономерно, что Петр, демиург Нового порядка, пожелал сам определить наследника, способного распорядиться Россией, продолжить его дело. И не смог – вовсе не потому, что не успел. Второго Петра не создала природа; у творцов (как и разрушителей) такого масштаба просто не может быть сопоставимых преемников (участь сына «творца» – быть принесенным в жертву отцовским идее, делу). Не оказалось такового и у Ленина, демиурга иного порядка – его конец в этом смысле подобен петровскому. Вероятно, они сознавали невозможность для себя определить наследника; свидетельство тому – завещания Петра I и Владимира I. Оба фактически отвели все кандидатуры возможных наследников. Петр (внешне) ненамеренно, а Ленин явно с «умыслом» «стравил» их, обрек на борьбу (победить в которой должен был самый беспринципный и беспощадный). То есть оба «создателя», первоисточника русско-советской государственности, спровоцировали новый виток Смуты (во)власти.

После Петра престолом долго правил случай – точнее, его судьба решалась в «придворной смуте» (дворцовым переворотом, придворной интригой)²⁰. Тогда императорская власть, временность, случайность которой была понятна всем (и привластным силам, знати, и народу), снова приобрела «очень сложную и условную, сделочную конструкцию». Она устроилась – ненамеренно, «случаем», не копируя «старый обычай» (тем более, что обычая как повторяемого, нерушимого, всем известного и охраняемого порядка, не

С.197-198).

¹⁸ В конце XVII в., после смерти Федора Алексеевича, не оставившего прямого наследника, «явочный» способ передачи власти («в присутствии народа с его молчаливого согласия») не удался. Пришлось прибегнуть к «активному избранию», «но в упрощенной, точнее искаженной, форме» (Там же. С.198). Так был избран Петр I – «мимо слабоумного старшего Ивана», а затем (актом «вторичного, революционного выбора») – оба брата «учинились на престол царями». В.О.Ключевский называет все эти метаморфозы «случайным эпизодом в истории Московского государства». Он не мог знать, какое значение обретут эти случайности в будущем.

¹⁹ Там же. С.102. В этом Петр, в общем-то, следовал за отцом, Алексеем Михайловичем. Однако в целом в петровской системе властный порядок определяла ничем и никем не ограниченная государственная воля, персонифицированная в воле государя. Демократический (равно как и аристократический) принцип во внимание не принимался, был вынесен за рамки властной системы.

²⁰ В.О.Ключевский считал удивительным, что сам преобразователь лишил верховную власть «правомерной постановки», пожертвовав своему «делу» и сыном, и «естественным порядком престолонаследия». «Престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой», политическое следствие этого – «государство, замкнувшееся во дворце со случайными и быстро меняющимися хозяевами». Преемники и преемницы Петра – «случайности на русском престоле» (даже те из них, кого назначала на престол в силу петровского закона «предыдущая случайность») (Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С.103, 170). Это придавало верховной власти значение самозванной.

сложилось) – подобно московскому самодержавию XVII века. Интересно, что правовому урегулированию верховной власти непосредственно предшествовала ее явная (непривычная даже для XVIII века) узурпация, прямой захват. Екатерина II – единственная абсолютная случайность на русском троне. Понятно, почему случайно (в том смысле, что отстранил преемника, определенного матерью) наследовавший ей Павел узаконил не носителя, а самое власть.

Павел I ограничил верховную власть изнутри, юридически установив «правильный» порядок ее трансляции. Она из личной воли превращалась в государственное учреждение, руководствовавшееся точным и постоянным законом. Правда, и это не оградило ее совершенно от случайностей. Тем не менее, восстановление династической преемственности способствовало изживанию во власти качеств временщика, самозванческого комплекса. Показательно, что во властном окружении «злых» временщиков XVIII века в XIX-м сменяют временщики «служилые». А.А.Аракчеев, М.Т.Лорис-Меликов, К.П.Победоносцев или Д.Ф.Трепов только казались самостоятельными, полновластными политическими фигурами (диктаторами, как их называли в обществе). В действительности, они были ограничены и ведомы волей монарха. Их роль в самодержавной системе функциональна, хотя и чрезвычайно велика.

Новым испытанием для русской монархии стал переворот конца XIX – начала XX в., в ходе которого неизбежно менялась не только форма, но и сущность правления, характер верховной власти. Внедрение демократического принципа в управление поколебало ее основания, заставило с 1906 г. искать новые способы самоутверждения. Свою ограниченность власть пыталась преодолеть усилением «народно-сакрального» обоснования, подчеркивая в своем образе начала «потустороннее» и «народное». Тогда впервые всерьез обратились к идее «народной монархии»²¹. Проба, проводившаяся по сценарию новой византизации власти, оказалась неудачной. Может быть, потому, что (внешне) выводила царскую власть за пределы современного ей мира, архаизировала ее. А еще из-за того, что требовала актуализации, интенсификации отношений власти и народа. Однако власть от Бога и от народа не могла самоосуществляться, соприкасаясь с этим народом. Реальная непосредственная связь между ними невозможна – это показало 9 января 1905 г. Их природа предполагает единственный вариант коммуникации – дистанционное управление и дистанционное подчинение. Действительное единение заменяет «прямой контакт» образов, воображаемых «народного самодержавия» и «самодержавного» народа. Эта воображаемая связь – основа идеологии «народной монархии». Тогда, в начале XX в., власть не располагала

---

²¹ См.: Уортман Р. Николай II и популяризация его образа в 1913 г.: Новые способы репрезентации // «НЛО». 1999. № 38. В этом смысле точным представляется наблюдение Б.Парамонова: «Распутинщина была трагической неудачной попыткой русской монархии обрести национальный стиль. В этой попытке она и сама кончилась, и нацию отдала во власть враждебным силам». (Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.232).

технологиями, которые позволили бы ей представить эту связь – в информационно-символическом пространстве – реально существующей.

Кризис династической легитимности в тех условиях предрекал (хотя и не предрешал) близкий крах власти. Ответом на него стала «дворцовая смута», «замутившая» общество. Казалось, последнюю точку в ней поставил Николай II, удовлетворивший требования заговорщиков, использовавших массовое движение в Петрограде в качестве рычага давления на власть. Однако своим отречением последний император разрушил ту устойчивую правовую и политическую форму, в которую более чем за столетие отлилась верховная власть²². «Измена» правильному порядку воспроизводства власти стала концом самодержавия и началом всеобщей Смуты. Властная субстанция, отделившись от своего носителя, застыла в ожидании нового персонификатора, через которого она смогла бы выразиться. В лице Временного правительства Россия получила «фетиш», призрак власти, не отвечавший ее природе.

Пытаясь удержаться, Февральская революционная власть перепробовала все старые способы, технологии «установления», но не смогла преодолеть (в самоощущении и народном сознании) своей случайности, временности, самозванчества. Став властью «захватом», «случаем» (поэтому источником и главным основанием ее легитимности была сама Революция), она перестала быть таковой в результате переворота. Его легкость обусловлена тем, что большевики только внешне, формально брали власть из рук Временного правительства. Ее там давно не было. Революционеры-«ленинцы» сделали «заявку» на овладение сутью, душой, субстанцией власти, «оформив» ее уже в гражданской войне.

Советская власть и проблема политического наследования

Как ни парадоксально, «народная власть» воскресила старые, открытые самодержавием, «делочные» властные конструкции. Вся история советской системы может быть сведена к поиску путей «правильной» трансляции верховной власти. Власть постоянно пыталась примирить разные начала, в ней заложенные, (неожиданно для нее) пробуждавшиеся, восстававшие. Действительным ее источником был захват (прямое насилие), но она выступала под покровом революционно-демократического принципа. Постоянно прибегала к выборам, прикрываясь всенародным одобрением и демонстрируя единство «властенародия»–«народовластия». В ней вечно боролись «самодержавие партии» и самодержавие лица, ее представлявшего, претензии «партийного боярства» на «коллективное руководство» и самодержавные инстинкты. Ограниченный (в смысле возможности удовлетворения народных интересов) характер ее отправления приходил в противоречие с потенциалом и публичным имиджем «власти массы» («властепопуляции»). Она была народно-

²² См. об этом: Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. М., 1994. С.148–154.

партийной, ограниченно-самодержавной, наследственно-избирательной и сделочно-договорной.

Советскую власть в течение всей ее истории определяли эти противоречивые принципы. Их невозможно было окончательно примирить, ассимилировать – и тем самым упростить властную конструкцию. Это придавало власти неустойчивость, которую она преодолевала насильем (физическим или информационно-символическим), способствовало сохранению в ней элементов случайности, самозванчества. Поэтому тотальная и всепоглощающая Советская власть воспроизводила себя через «дворцовые смуты», а все ее персонификаторы были законными «монархами» и самозванцами «на троне» в одно и то же время.

Большевики сконструировали партийно-вождистскую и идеологическую преемственность власти: партии – от партии, Вождя (персонализированного воплощения) Партии – от Вождя Партии, Верховного жреца Учения – от Верховного жреца Учения. Власть осенял демократический принцип: «воля партии» символизировала «волю народа», партсъезды – соборы, их решения – соборные избрание и одобрение. Разделение партийной и советской демократии придавало этой конструкции еще бóльшую двусмысленность и условность, дробя демократическое начало, увеличивая значение партийно-демократической легитимации власти в ущерб народно(советско)-демократической²³.

Власть над партией–государством–народом передавалась в соответствии с политическим обычаем – по «наследству» и избранию партийной верхушкой («боярством»)-номенклатурой из Президиума ЦК и Политбюро), заменявшему завещание. Этот порядок, определившийся при Сталине, стал признанным прецедентом, но так и не был узаконен. Не утвердился и «персонализированный» принцип трансляции Советской власти – по личному усмотрению «правлящего государя». Источником власти в большевистском варианте могла быть только партия, коллективная воля (в определенном смысле партия заменяла династию как учреждение, институт). Правда, материализовалась она чрезвычайно узким кругом «партийных олигархов»²⁴, выделявших из своей среды одного - чаще всего, «не способнейшего, а

---

²³ Противоречивость можно было устранить только в случае совпадения партийной и общественной воли, реализации лозунга «народ и партия едины». Т.е. если бы народ и был партией, партия поглотила народ. Без этого сохранялась опасность растворения, поглощения партии народом в критические, кризисные моменты. Эту угрозу партийные «верхи» стремились нейтрализовать путем формализации и символизации демократического принципа и практик (любых выборов, представительных учреждений, органов самоуправления, общественных организаций).

²⁴ Это партия в партии, «внутренняя партия», если пользоваться терминологией Д.Оруэлла. Принцип ее организации схож с устройством современных «элит»: «Номенклатура состоит из взаимоподдерживающих групп, вступающих в союзы или конфликты. Ее можно сравнить с вассально-сюзеренной системой, типичной для феодального общества. Каждый номенклатурный работник имеет своих вассалов, в то же время являясь вассалом вышестоящего руководителя. Больше всего вассалов у генерального секретаря – у него нет сюзерена, но он не может не учитывать желаний своих вассалов» (Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 2000. С.617).

удобнейшего». И всегда этот один, побеждавший в кровавой внутривнутрипартийной борьбе или «византийской» номенклатурной игре (формат схватки за власть со временем менялся), становился единственным – по соответствию историческому моменту, народным ожиданиям, властным потребностям. При том, что он был «сделан» человеческими руками, его как бы избирала, назначала для себя власть. Ее избранники в «партийной борьбе» и государственных трудах проявляли гениальный властный инстинкт.

Партийно-советский вождизм: «монархия трудящихся»

С момента утверждения во власти начинался процесс эволюции ее персонификатора из партийного лидера в Вождя, накопления, консолидации в его руках самодержавного потенциала²⁵. Этого требовала логика русской власти, необходимость соответствовать взглядам на нее народа²⁶. Лидер советского государства (как до- и послесоветского) не мог позволить себе сделать достоянием публики ограниченность и «партийность» (в том смысле, в каком «партийна» власть В.Шуйского) своей власти. Здесь всегда была органична идея и практика «народной монархии», а в условиях массового, «демократического» общества актуализировался социальный императив, выражавшийся в программе «надклассовой монархии, монархии трудящихся». Поэтому партийный вождь неизбежно обретал «качество» «народного монарха», олицетворявшего не только (и не столько) партию, но народ, державу. Это был способ обретения и подтверждения Советской властью статуса народной.

Установление «самодержавия» лица, временной «монархии» партийного Вождя (кстати, так оценивали его власть в самой партии – недаром Хрущев говорил о «царстве Сталина»²⁷) требовало актуализации «внепартийных», «самодержавных» источников верховной власти, нейтрализации (символической и управленческой – партийно-бюрократическими средствами) сделки с «олигархами», превращения коллектива «руководителей страны» в управленцев, покорных воле первого лица. Избрание генсека партийной верхушкой обязательно подкреплялось актом публичного всенародного одобрения. Эксплуатируя демократический принцип, превращая (на время) «народную волю» в главный источник власти, новый партийный вождь преображался в народного монарха, непосредственно (помимо партии и государственных структур) связанного с народом, выражающего и

²⁵ Вот что пишут об этом М.Геллер и А.Некрич: «...как обычно после прихода к власти нового руководства – оно коллективное... В конце 70-х годов завершился (очередной – И.Г.) процесс перехода от «коллективного» к единоличному руководству... Карьера Брежнева, повторяющая в главных чертах карьеры его предшественников – Сталина и Хрущева, позволяет сделать вывод о невозможности для государства советского типа обойтись без Вождя» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.615, 666).

²⁶ Напомню, с XVII в. стало очевидным: «в выборном царе с ограниченной властью видели партийного государя, орудие боярской олигархии» (Цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С.194).

²⁷ Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.536.

представляющего общие (а не «узкословные», «клановые», идеологические) интересы. Необходимостью обеспечения «лицу» (и только через его посредство – всей партии) широкой социальной поддержки были вызваны многие действия претендентов на власть и новых «царей»²⁸.

Теми же задачами определялась внутривнутрипартийная политика по консолидации личной власти. Она предполагала избавление от действительных и потенциальных соперников в «верхах», изменение состава руководящих органов (устранение «чужих» и «замещение» их «своими»), что автоматически вело к «перебору людишек» на всех этажах партийно-государственной системы, ее перелицовке под новое первое лицо. Партийный вождь – «народный монарх» замыкал на себе все ветви власти, решение важнейших дипломатических и военных вопросов²⁹. Поднявшись над любой другой властью в стране, будучи собственно властью в полном смысле слова, он выступал как социальный координатор и модератор. В этом – залог устойчивости власти (и стабилизации, упорядочивания общества) в русском варианте.

Положение Вождя обеспечивалось также за счет конструирования наследственной легитимности. Придание верховной власти характера наследственной, усиление кратократической легитимности (в том числе, созданием «культы» очередной «личности») символически выводило ее за формально-правовые рамки, снимало с нее всякие ограничения. Наследственная модель строилась на сложном сочетании (псевдо)династического и (псевдо)сакрального: наследование устанавливалось по линии «институциональной» (от партии – как раньше от династии), персональной (от Вождя) и трансцендентной (от веры–идеи – воплощения современной, «пострелигиозной» «псевдоцерковной», облаченной в научные формы, Истины).

---

²⁸ Вспомните заботу «о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей» первого постсталинского триумvirата (Г.М.Маленков, Л.П.Берия, В.М.Молотов) (См. об этом, например: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.519–527). Осуждение сталинского культа и реабилитационный процесс, инициированные Хрущевым, служили (в том числе) созданию опоры верховной власти в народе – как противовеса ограничительным претензиям партийного «боярства» и гарантии против «дворцовой смуты». В хрущевские времена угроза заговора в высших партийно-бюрократических кругах была особенно велика. (Именно потому, что памятуя о сталинских диктатуре и терроре, партийное «боярство» жаждало спокойствия и гарантий – как когда-то беспартийное после грозненской опричнины.) В процессе десталинизации самой надежной опорой Хрущева служила интеллигенция. Потом другой реформатор, Горбачев пытался найти в ней поддержку и противовес партийно-консервативному давлению. По признанию А.Ципко, одним из мотивов перестройки для Горбачева и его окружения было «желание завоевать популярность в интеллигентской среде» (Завтра лучше, чем вчера?: за «круглым столом» журнала // Мир перемен. 2005. № 1. С.16). Вообще, к «народной воле» не только советская, но и царская власть подходили очень прагматично, по деловому: «говорить от имени всей земли было привычкой московских правительств... Челобитье «всяких чинов людей» сделалось стереотипной формулой, которой хотели оправдать всякое большое правительственное дело» (Цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С.245).

²⁹ Так, при Брежневле ключевые посты в партии его люди заняли к концу 70-х. В центральном аппарате – Политбюро и Секретариате ЦК – расположились члены «днепропетровской мафии»; посты на нижних ступенях системы отошли уже к их людям (См.: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С. 615, 666–667; Авторханов А. Сила и бессилие Брежневле: Политические этюды. Frankfurt a.M.: Possev, 1980. 2-е изд. С.33-36).

Новый Вождь становился главным наследником – продолжателем дела партии, «отвечающим» за (гарантирующим) торжество Учения, полученного «из рук» Учителя. Для («под») него моделировалась «правильная» очередность наследования. Это предполагало пересмотр земного порядка, обнаружение и разоблачение властных самозванцев³⁰. Однако главным обоснованием очередной власти была апелляция к сакральному: ее источником служил родоначальник, демиург, от него (как бы) получал власть истинный вождь³¹. В результате она приобретала характер изначально-предопределенной, власти по природе, данной свыше, а значит, непогрешимой и неограниченной. «Мистическая передача символа власти» в позднесоветские (казалось бы, совершенно не мистические) времена совершилась внешне просто и обыденно³².

Еще одна необходимая составляющая легитимации Вождя – придание власти народного характера через апелляцию к историческим корням, создание исторической преемственности. «История занимает в советской идеологии центральное место. Телеологичность идеологии делает историю фактором легитимности, – отмечают М.Геллер и А.Некрич. – История дает легитимность партии и вождям... «Марксистско-ленинская история» объявляется «научной правдой о прошлом»³³. Партия присвоила себе право быть монопольным

³⁰ Показательно, что Хрушев после своего свержения практически сразу был переведен в разряд самозванцев, уподоблен Василию Шуйскому (См.: Кочетов В. Записи военных лет // Октябрь. 1965. № 5. С.97).

³¹ Ленину принадлежит особая роль в советской политической культуре. «Точнее, у этой символической личности целый ряд ролей: пророк, герой, учитель, образец, первоисточник власти и др. Все последующие коммунистические вожди (Сталин, Хрушев, Брежнев) черпали свою легитимность именно в Ленине». (Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк. М., 1996. С.51). «Каждый... очередной наследник начинает с того, что объявляет самого себя «Лениным сегодня» (Авторханов А. Указ. соч. С.63). Подобную роль выполнял Петр I в политической культуре империи.

³² «2 марта 1973 года все советские газеты сообщили о том, что Брежнев начал очередную чистку в партии – обмен партийных документов, вручив 1 марта, в присутствии членов Политбюро и секретарей ЦК, партийный билет нового образца за № 00000001 Ленину Владимиру Ильичу. Билет № 2 получил Брежнев Леонид Ильич» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.668). То, что Брежнев был объявлен «ведущим и единственным теоретиком партии», – вполне естественно и закономерно. Партократия, по определению А.Авторханова, – «не только полицейский, но и идеократический режим. Вождь такого режима должен быть одновременно и вероучителем. Это его привилегия и прерогатива» ((Авторханов А. Указ. соч. С.36-38, 170). Немного позже, 21 апреля 1979 года, «по требованию трудящихся» Л.И.Брежневу была присвоена Ленинская премия по литературе: «Верховный Жрец Учения объявлен Хранителем Слова» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.668). И все это совсем не случайно и очень всерьез: и сам акт, который сложно объяснить рационально, и форма – приобщение к «высшей» власти первого лица сопровождалось «очищением», освобождением партии от накопившихся у нее «грехов». И, наконец, объявление монополии на слово, информацию, т.е. на «производство» «священных текстов» и определение апокрифов, «еретических писаний». Кстати, получив партбилет № 2, Брежнев вступил с Лениным в такие же отношения, как Екатерина II с Петром I. Помните надпись на знаменитом памятнике демиургу империи: «Петру I – Екатерина II». Вслед за гениальной (во властно-русском отношении) немкой и Брежнев мог сказать: Владимиру I – Леонид I. Истинной власти – истинная власть, преодолевшая и перечеркнувшая все смуты.

³³ Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.286, 289. Об этом писал и Э.Морен: «Партия присвоила Историческую истину. Это присвоение касается не только будущего, которое будет триумфом социализма, но и прошлого. Партия присвоила прошлое не только национальное (эпоху царизма), но философов просвещения, самого Маркса, в зависимости от текущих политических соображений история беспрерывно переписывается, над прошлым осуществляется постоянный полицейский контроль, сопровождаемый чистками и ликвидациями... Как говорит Оруэлл, «кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее, кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое...» (Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995.

держателем исторической, т.е. народной, национальной истины (тем самым преобразовав революционный принцип легитимации – из него изымалось случайное, самозванческое начало). В связи с этим в середине 1930-х годов реабилитируется русский патриотизм, русский национализм.

Власть, воплощенная в партийном вожде, - узурпатор и интернационалист в прошлом, превратилась в подлинного наследника русской истории. Она «... выбирает из русского прошлого то, что нужно: героев, черты, характеры, врагов, которых следует ненавидеть, друзей, которых нужно любить». Сталин (и каждый из его наследников) «выдает народу его прошлое как подарок от себя лично, он выдает его по каплям: сегодня одно имя, завтра другое, послезавтра запрещенный ранее факт»³⁴. «Воплощением прогрессивных сил истории становятся герои, вожди – князья и цари»³⁵. Власть в разные моменты находила себе подходящих предшественников. По мере необходимости «... генеральный секретарь ЦК ВКП(б) назначал себя Петром, Александром Невским, потом – Иваном Грозным»³⁶. Он же определял народное предназначение: «народ – согласно власти – «прогрессивен», когда он поддерживает царя»; даже народные выступления объявлялись реакционными, «если они мешали «прогрессивным действиям князя или царя». Впрочем, в советской истории народ, как правило, «поддерживает царя и выступает вместе с ним против феодалов-реакционеров». Так «схема ортодоксального марксизма о борьбе классов хитроумно увязывается со схемой ортодоксального национализма»³⁷, с государственными интересами. Это крайнее проявление традиционной для России политизации истории, «служебного», функционального характера прошлого, назначенного к эксплуатации политикой.

*«Старение» советской власти /
Попытка демократического «омоложения»*

Все эти политические, аппаратные, информационно-символические действия легитимировали власть. Со временем они обретали некую устойчивую конфигурацию, а в деле трансляции власти установился (хотя бы внешний) порядок. После смерти Брежнева «впервые в истории КПСС и советского государства сработал принцип преемственности власти»³⁸.

С.60).

³⁴ Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.289–290.

³⁵ Там же. С.290.

³⁶ Там же. С.291.

³⁷ Там же. С.290. «Партия/Государство содержит две субстанции в Одной, двойной миф – в Одном: в ней объединяются, взаимопроникая, две Религии – Коммунизма и России, – отмечал Э.Морен, – она несет в себе отныне две Истины – универсальную социалистическую и Истину этно-социо-центрическую – Советской Родины, в которой выражено глубинное единство идей Нации и Коммунизма» (Указ. соч. С.87).

³⁸ «Механизм перехода власти от умершего генерального секретаря к новому был отлажен и действовал, по-видимому, без особых сбоев... Не было разногласий в выборе пути, как то было после смерти Ленина, ни драматической борьбы внутри правящей верхушки с арестами, казнями, использованием вооруженной силы,

«Подковерная борьба» – пародия на «дворцовую смуту» – завершилась на следующий день после смерти Брежнева избранием Ю.В.Андропова по предложению его «соперника» (на него указал старый генсек) К.У.Черненко. И именно в тот момент, когда все, наконец, устоялось и упорядочилось, сложившаяся властная конструкция продемонстрировала свою нежизнеспособность, фактически рухнула.

Внешне это выглядело вполне понятно и даже естественно – как следствие старения партийных лидеров, стремившихся сохранить власть до своего биологического конца. Казалось, выход прост – «старики», «выбывавшее» поколение, должны пропустить к власти «молодых». Однако последующие события показали, что все было гораздо сложнее. Речь шла о биологическом старении системы, порожденной и породившей «стариков», начале какого-то нового цикла в жизни страны. Под влиянием времени, естественных причин формализовались все способы легитимации, основания устройства верховной власти, кроме одного – «закулисная сделка с боярством». Но и она имела, скорее, символический смысл. Дело «избрания» решалось в соответствии с «Табелью о рангах», выслугой лет, дававшей чин в партийной иерархии (это также чем-то напоминает очередной порядок наследования киевских времен). Так (в «очередь», определенную партийно-родовыми счетами) стали генсеками «безнадежные» (в смысле биологическом) Андропов и Черненко. Вкупе с Брежневым они дискредитировали возможности «внутрипартийного воспроизводства» верховной власти в глазах народа. Новое время требовало актуализации демократической легитимации.

К этому и прибег Горбачев. Недостаточность кратократической легитимации он попытался компенсировать демократической. От внутрипартийного «отбора» (подобного выбору с участием Боярской думы, Верховного тайного совета, Сената) Горбачев ушел к «Земскому собору». Апелляция к народу, президентский пост позволяли перейти от «долевой» (ограниченной Политбюро) к полной власти, сузить возможности «дворцовой

как это случилось вскоре после смерти Сталина, ни заговора, устранившего еще живого вождя – Хрущева («бескровный переворот» в октябре 1964 года)» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.709). Правда, некоторые странности в процедуре передачи верховной власти все же были. «Объявление о кончине Брежнева было удивительным образом задержано на 24 часа, а объявление о назначении Андропова было удивительным образом ускорено. Москва в этот момент была полностью блокирована войсками, как если бы надо было кого-то защищать или устрашать» (Цит. по: Морен Э. Указ. соч. С.183). Кстати, взгляд Э.Морена на проблему трансляции Советской власти таков: «Единственное, что в советском тоталитаризме не функционирует по четким правилам, это как раз наследование и преемственность высшей власти... При аппаратном коммунизме формальные выборные правила только камуфлируют кооптацию, и вопросы перехода власти регулируются посредством заговоров, сговоров, убийств» (Указ. соч. С.181-182). Этот взгляд столь же верен, сколь точна оценка А.Авторханова – при том, что они кажутся противоречащими друг другу: «Смена личностей, стоящих у власти в СССР, не приводит к смене коммунистического режима именно потому, что существование этого режима зависит не от одной личности, даже такой сильной, как Сталин, или от ряда выдающихся личностей, как при классической олигархии, а от непрерывно функционирующей структурной системы и ее массовой базы (т.е. первичных ячеек власти). Здесь большевики достигли той степени быстроты и автоматизма безболезненной смены своих правителей, которая свойственна только абсолютным монархиям» (Авторханов А. Указ. соч. С.53).

смуты»³⁹. Все это – на фоне демократизации общественной жизни; создание «нового самодержавия», соответствующего вызовам современности, требовало раскрепощения народа. Пересмотр оснований властной легитимации сопровождался «вызовом» партийного Демиурга-Спасителя; Ленин должен был обеспечить непогрешимость власти Вождя. Однако история не отпустила последнему генсеку достаточно времени для укрепления власти на новых основаниях, формирования иной, соответствующей современности, «сделочной» властной конструкции. Неопределенность положения верховной власти стала одной из причин распада всей системы.

*Народно-самодержавный президент:
«выборная монархия» нового типа*

Сам того не желая, Горбачев помог Ельцину – тот воспользовался его находками, как когда-то Екатерина II эксплуатировала «наследие» низверженного ею Петра III. Новации Горбачева, его разрыв с прошлым, развязали руки Ельцину, и он пошел еще дальше – к всенародному избранию. Выборные правила прихода к власти и ее преемственности – фундамент современной демократической власти, главное ее основание. Но не единственное. В 1990-е годы верховная (президентская) власть обрела какую-то новую неустойчивую, условную конструкцию. Особенный отпечаток накладывает на нее персональное начало: она очень зависима от лица, ее держащего и представляющего; он во многом определяет властный образ. В то же время она основывалась на «старых» (традиционных) началах.

Ельцинская власть балансировала между демократическим и самодержавным (лица – без партии) принципами. В эпоху расцвета «ельцинизма» «всемирное» («всей землей») избрание подкрепляло, обосновывало «самодержавные претензии» областного первого секретаря, не получившего СССР, но отхватившего «кусочек поменьше» – Россию. Вынужденный исполнять вторые роли в партии, Ельцин подтвердил свою избранность (прежде всего, самому себе), развалив и партию, и советскую империю. Именно исполнение миссии разрушения, роли Анти-Творца (в ней когда-то выступал и Ленин) позволило этому «народному царю» эпохи «победившей демократии» захватить и удерживать власть.

Разрушив страну, прежнюю жизнь, Ельцин созидал, творил новую власть. Как показывает история, одно из обязательных измерений этой власти – идеологическое. Еще в начале 1990-х гг. западные исследователи указывали: распад СССР, гибель коммунизма означали и потерю идеологической легитимности, что требовало поиска государственностью новой идентичности и иных оснований легитимации. Тогда казалось, что они будут синтезированы из

³⁹ Однако парадокс ситуации заключался в том, что смута возникла и в тех выборных структурах, что были созданы властью. Ярчайший тому пример – Съезд народных депутатов СССР. Вместо «дворцовой смуты» (точнее, вместе с ней) Горбачев получил смуту народную, общесоциальную.

либерально-демократических ценностей и философии русского национального интегрализма, которую образуют две основные компоненты – национально-коммунистическая и национально-религиозная⁴⁰. Немецкий ученый К.Шлёгел квалифицировал новые типы политических идеологий, складывавшиеся в России, как весьма опасную комбинаторику советского и западного, современного и архаичного. Он считал их одновременно продуктом распада советского сознания и попыткой ответа на вызовы переломного времени⁴¹. Некоторые исследователи предрекали утверждение в «новой России» «ретроградных иррациональных идеологий» (возможно, и тоталитарной утопии). Так, А.Игнатов указывал на подъем консервативно-националистического фундаментализма, напроць отвергающего ценности либеральной демократии и рыночного хозяйства и утверждающего великодержавность и богоносность русского народа⁴². Прогнозы во многом оправдались.⁴³

Процесс властетворения прошел несколько стадий, в каждую из которых преобладали разные принципы самоутверждения. Едва придя к власти (за счет эксплуатации народной веры не столько в демократию, сколько в саму власть), президент новой демократической России начал создавать модель, казалось бы, полностью отрицавшую идею демократии – государя–народного избранника. Демократический принцип должен был подкреплять, обосновывать самодержавные претензии, т.е. занял функциональное, подчиненное положение в системе властной легитимации. Конструирование (внутренне необходимой самодержавию) псевдодинастической преемственности – в отсутствие династии и партии как учреждения, ее замещающего – требовало обращения к историческим корням русской власти.

Большевицкая власть фактически объявлялась самозванной, а демократическая напрямую связывала себя с монархией (не формально-юридически, конечно, а символически). Человек, уничтоживший последнее пристанище самодержцев и самого русского самодержавия – Ипатьевский дом, фактически инициировал реабилитацию Романовых, примирение с имперским прошлым, романтизацию «белой идеи» и эмиграции. В этом смысле гораздо естественнее выглядит Путин в роли лидера, с которым связано возвращение советского прошлого (заметим: для русской власти не существует категории «прошлое-невозвращенец»; она способна вызвать и эксплуатировать любое воспоминание). Тем самым власть замыкает цепочку наследственной легитимации: от царей – через генеральных секретарей – к президентам.

⁴⁰ См.: Timmermann H. Was erwartet Europa von Russland // Russland und Deutschland. – Nachbarn in Europa. Baden-Baden, 1992. S.13-36.

⁴¹ Schlögel K. Das sowjetische Erbe löst sich in tausend Stück auf // Politische Studien. München, 1992. Jg. 43, N 321. S.4-12.

⁴² Ignatow A. Die "russische Idee" in der gegenwärtigen Diskussion: Die russische Identität und die "Neue Ideologien". Köln, 1992.

⁴³ См. об этом: Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2(29). С.6-24.

Был дан шанс и русской церкви – не ради нее самой, но во имя власти. Введение религиозного начала во властную легитимацию придает современной власти характер богоустановленной, традиционной. А также разрывает связь с советской эпохой: большевики дискредитировали идею светского спасения, что делало естественным возвращение к спасению религиозному⁴⁴. «Смычка» с православной церковью – символом державности, традиции – наделяет власть символическим значением инструмента спасения. Эта конструкция вовсе не есть пародия на прошлое или оживление подлинно христианского естества власти (и народа), но явление постхристианской современности. Однако определенная десекуляризация (точнее, дерационализация) властной модели вновь «заколдовывает» верховную власть и порожденный ею политический порядок, наделяя их отчасти даже «магическими» чертами. Надо признать: эта «сакрально-магическая» трансформация президентской власти вполне отвечает особенностям ее восприятия гражданами.

Идеальная модель российского президентства

В ельцинской власти отчасти воплотились идеальные черты самодержавия, позволяющие ему соответствовать современности. Президент (в постсоветской России) выступает единственным гарантом и источником гражданских свобод (интересно, что так представлял себе роль самодержца К.Д.Кавелин), а также арбитром в социально-политической борьбе, конкуренции и конфликтах разных сил. Его назначение – поддерживать равновесие во власти, эффективное развитие политической системы в целом, не связывая себя напрямую с политическими игроками, элитными группами. Этот идеал – царя (правда, наследственного монарха) как социального модератора – описан еще М.М.Сперанским⁴⁵.

Собственно, это традиционное место и назначение власти в русской системе. Такова была роль большевистских вождей – и, прежде всего, Ленина. Он, «будучи председателем Совнаркома, председателем Совета труда и обороны, вождем партии, обладал неограниченной властью и непререкаемым авторитетом, позволявшими ему выступать арбитром, иметь решающий голос во всех спорах. Для сохранения равновесия Ленин нередко поддерживал одну враждующую сторону (в партии, в «споре» партийных и военных руководителей – *И.Г.*) против другой, а затем поддерживал другую против первой»⁴⁶. Более примитивную, силовую модель «внутриэлитного государственного взаимодействия» (по эксплуатационному варианту,

⁴⁴ И отечественные, и зарубежные исследователи неоднократно отмечали: «ключевое слово русской политической культуры – спасение, как в его религиозном, так и профанном измерении» (См.: Пивоваров Ю.С. Политическая культура: Методологический очерк. С.39-42).

⁴⁵ См. об этом: Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М., 1997. С.86-88.

⁴⁶ Цит. по: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.81.

воспроизводящему элементы «татарщины» и государственного крепостничества) предложил Сталин. В дальнейшем все советские лидеры тяготели к авторитарно-арбитражному типу влияния. Неустойчивое равновесие «в верхах» нарушил Горбачев. Тем не менее, он и в новом для «элиты» пространстве публичной политики пытался утвердить «арбитражную» модель. В интенции, в замысле такой должна была быть ельцинская власть; так формировался ее образ, «съеденный» затем «семьей», «семибанкирщиной».

Таков образ верховной власти в представлении второго президента России – В.В.Путин обрисовал его в декабре 2004 г., на встрече с российскими журналистами. Так понимают символическое и политическое назначение президентской власти и наши граждане: «...власть практически не включает ни судебную, ни законодательную ветви. Она не поддается сопоставлению с конституционно определенными процедурами... Единственная фигура, как-то удерживающая эту непрочную и нелегитимную конструкцию, – это легитимный президент, с которым и связаны надежды на исправление несправедливостей и наведение порядка»⁴⁷. Непопулярность Ельцина только усилила эти представления, ожидания, спроецированные на его преемника. Мощный заряд надежды «подтянул», возвысил Путина до «идеального прототипа» верховной власти. Ведь только идеальный (в русском варианте – «иконический») президент мог реализовать (т.е. представляться и восприниматься большинством общества в качестве реализатора) «совмещенный» социальный запрос конца 90-х: на реформы («перемены и развитие») и на эффективное государство, порядок и стабильность⁴⁸.

Итак, «...вся политическая система... сфокусирована на личности В.Путина»⁴⁹ – как раньше Б.Ельцина, М.Горбачева, т.е. в персонализированном монособъекте. Интересно, что после дефолта 1998 г. «общественное мнение, испуганное ситуацией фактического безвластия, стало все более активно формировать «вектор ожиданий» в направлении альтернативы Б.Ельцину... в составе тогдашней партии власти»⁵⁰. Общество искало альтернативу действующему персонификатору не в самом себе, а в привластной среде, как бы солидаризируясь с властью в понимании властной преемственности: власти от власти. Стоит ли удивляться, что оно приняло политический проект «Ельцин–Путин».

⁴⁷ Образы власти в постсоветской России... С.148-149.

⁴⁸ Изменяющаяся Россия... С.103. Идеализация каждого очередного правителя, его оценка в идеальной проекции суть проявления русской «утопии о «совершенной» (абсолютной во всех смыслах) власти. В этих условиях правители вынуждены не просто управлять, но и соответствовать магическим представлениям о собственных возможностях» (Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904-1921 и 1985-2002 годов // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22. С.97). Больше всего шансов на доверие и любовь – у того, кто «производит впечатление лидера, который существует в воображении масс» (Цит. по: Булдаков В. Указ. соч. С.113). Поэтому особое значение и сейчас имеет «взаимодействие лидеров с людским хаосом – «вождь» становится заложником «разрухи в умах», а затем надежды масс на «чудо власти». Лидер, не оправдавший ожиданий, выбывал» (Цит. по: Булдаков В. Указ. соч. С.114).

⁴⁹ См.: Изменяющаяся Россия... С.108-109.

⁵⁰ См.: Там же. С.102-103.

Такое «одиначество» президента таит в себе опасности – не только для самого президента, но и социального порядка. Персонификатор становится адресатом неисполненных надежд, неся ответственность за всю систему. Лишенная базы общественных симпатий, поддержки, лояльности, верховная власть может превратиться лишь в символ, удерживаемый силой инерции. Достаточно толчка, «дворцовой смуты» – и он падет. А вслед за ним – та система, которую он скрепляет, гарантирует, представляет. В этом, вероятно, одна из загадок русской революции: она происходит, когда нет персонификатора. Он исчезает, (физически или в глазах народа) перестает соответствовать идеальному («иконическому») образу, «наложенной» на него (символической, прежде всего) миссии – вести и «спасать» страну.

«Путинизация» власти: выборно-преемническое самодержавие

Момент торжества ельцинского «выборного самодержавия», на который пришлась церемония захоронения останков царской семьи, неожиданно оказался концом царистских иллюзий Бориса II. Творца новой русской власти подвела природа. По поведению он часто не соответствовал типу и чину самодержца⁵¹, а затем перестал отвечать им «по здоровью». Болезнь заставляла Ельцина сдавать власть; выборы 1996 г. явили народу ее «сделочно-договорное» лицо. Ответом стал рост «антиаристократических» настроений и критики верховной власти. Растрата энергии народной поддержки усугубила ситуацию, заставив власть замкнуться в себе (в Кремле, Подмосковской резиденции, ЦКБ). В отсутствии слаженной бюрократической машины, она могла искать поддержки только у окружения (близких, доверенных лиц). Это, в свою очередь, совершенно лишало ее обоснования в глазах народа. Чтобы избежать «дворцовой смуты» и угрозы «революционного перевыбора», власть прибегла к средству, по западным меркам, антидемократическому – поиску наследника. Эта акция (казалось, не современная, но очень своевременная), усиливавшая кратократическую легитимацию, спасла власть – но не ее персонификатора.

«Путинизация» власти не отменила той конструкции, которую она приобрела при Ельцине. Особое значение для власти и ее понимания народом возымела процедура передачи власти. В ней советский и самодержавный опыт был синтезирован с демократической практикой современности. «Явочный способ» передачи власти – от неспособного править «государя» «наследнику» – предшествовал «активному избранию». Под занавес Ельцин разыграл драму с комедийными, шутовскими «кувертами» (вроде пересаживания министров

⁵¹ В этом Ельцин походил на Хрущева, который «...своими частыми публичными выступлениями, речами, интервью иностранным корреспондентам, даваемыми иногда в подпитии, неуместными заявлениями подрывал в глазах народа не только свой личный престиж, но и авторитет Власти. Над выступлениями Хрущева начали посмеиваться, его перестали воспринимать всерьез» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.608). Явным несоответствием «чину» дискредитировали себя и другие национальные лидеры – Лжедмитрий I, Петр III.

«под» Степашина), завершившуюся чем-то похожим на трагедию. Его телеобращение к гражданам России 31 декабря 1999 г. выглядело как завещание и покаяние. Тогда Борис Николаевич в последний раз проявил свой гениальный властный инстинкт. Через публичное покаяние он вошел в череду кающихся перед народом и тем самым «самочинно» снявших с себя все грехи великих государей⁵².

Ельцин установил порядок трансляции новой русской власти – «личным назначением, усмотрением царствующего государя». Эта пока единожды удавшаяся в современных условиях старая идея (вспомните «задумку» Петра или сталинские попытки определить наследника, брежневский ход с «кронпринцем» Черненко), придает постсоветской власти условно-наследственный характер. Наша «выборно-преемническое самодержавие» представляет собой какой-то новый вариант очередного порядка наследования: очередь устанавливает действующий президент, а публичное народное одобрение (т.е. выборы) придает законный вид «посажению» нового. Тип властной трансляции искажает саму идею свободного выбора, «президентской гонки» с конкурирующими кандидатами. Но соответствует русской традиции, формировавшейся веками. И подтверждает: в русских условиях недостаток кратократической легитимации восполняется демократической – а не наоборот.

Верховная, президентская власть базируется на разных, до крайности противоречивых принципах, что придает ей неустойчивость и условность. Сохранение демократического принципа организации в качестве формально основополагающего не позволяет ей до конца ассимилировать разнородные начала, поглотить то, что мешает ее привычной, традиционной реализации. Это делает ее положение весьма неопределенным, открывает перед ней целый набор вариантов самоосуществления. Что, собственно, и продемонстрировали два первых российских президентства; поэтому они и оцениваются большинством граждан диаметрально противоположно.

Современная демократическая власть (вовсе не странным, неестественным, а закономерным образом) приняла вид всенародно избранной («народной») «временной» монархии и «договорного» (ограниченного «закулисной сделкой» господствующих групп) «самодержавия». Две эти «условности», «несообразности» и определяют ее лицо. С укреплением самодержавия, его корпоративно-бюрократической основы эта сложная

⁵² В России акт покаяния, в котором через выговаривание (в слове и словом) с человека снимается грех, вообще, играет важную роль. Царское же публичное покаяние имеет значение символическое. К покаянию прибегали крупнейшие персонификаторы русской власти; так с ними примирялся народ. Каялись Грозный – за жертвы опричнины, Сталин – за жертвы войны (такой смысл имеет его знаменитый победный тост за многотерпеливый русский народ), Хрущев – за сталинские ошибки. На короткой народной памяти – Ельцин. Причем, его покаяние с признанием собственных ошибок по существу очень схоже с ленинским. Ведь родоначальник русского XX века тоже каялся – перед партией, а, значит, перед народом, на X партсъезде, в 1921 году. Политический смысл этого акта достаточно очевиден: «признание вождем ошибки делает эту ошибку как бы небывшей, зачеркивает ее, вождь остается непогрешимым» (Геллер М., Некрич А. Указ. соч. С.109). То есть покаянием человек власти не столько признает, сколько «отменяет» свою вину. А исправлять ошибки, в которых каялся, оставляет преемника: Ленин (фактически) – Сталина, Ельцин – Путина.

конструкция несколько упрощается. Власть стремится придать исключительно символическое значение и «олигархическому», и демократическому принципам, на которых базируется. Пытаясь освободиться от тех ограничений, которые они накладывают, она утверждает естественный для нее способ воспроизводства – власти от власти, «родовой», «династический». Он, по существу, не требует юридического определения; благодаря ему верховная власть как бы пребывает вне права, закона (точнее, над ними). В этом стремлении ее, кстати, поддерживает народ.

Демократические выборы в России трансформировались в акт народного избрания уже «назначенного государя» (т.е. одобрения, подтверждения права «временного занятия престола»). Очередность смены лиц во власти определяет уже не родовой порядок или номенклатурные (очень схожие с местническими) счета, а случай – воля «действующего государя», подтвержденная договоренностями («сговором») элитных групп. Это самой власти придает характер случайности, оттенок самозванчества, что позволяет в любой момент пересмотреть «правильность» «очереди». Подтверждение тому: фактическое признание при Путине самозванцем «родоначальника» демократической власти, демонстративное отрицание ельцинского наследия. Инструментами преодоления ограниченности, слабости верховной власти, как и раньше, служат усиление бюрократического начала, насыщение власти «своими» (при очередной смене власти «милитократия» Путина может так же легко уйти в прошлое, как «олигархический режим» Ельцина), наделение ее имиджем народной («своей» с точки зрения народа) и получение народной санкции.

В этих условиях актуализируется потребность сакрализации и народного выбора, заменяющего Божественное утверждение, и самого избранника. Последнему придается значение «истинного» (единственно возможного, предопределенного «свыше» – недаром выборы безальтернативны) царя, символизирующего единство власти и народа. В связи с этим совсем не случайными представляются отсылки нынешней власти к началу XVII в., истокам романовской «выборной монархии», где царь представлялся порождением народа («всей земли»), ведомого волей Божьей. А также к «началу» демократической России: 12 июня – показатель соответствия современности, безусловности перерождения (конечно, к лучшему) нашей власти.

*Природа верховной власти:
конфликт «народности» и «беспочвенности»*

Вероятно, одно из главных противоречий современной власти – в том, что будучи совершенно «беспочвенной», устремленной «ввысь» и «на запад», она принуждена постоянно апеллировать к «корням», соответствовать определению «народной». Это вечная трудность русской власти, обусловленная, вероятно,

двойственностью ее природы. Ей всегда была необходима не только «внутренняя», «корневая», но и «внешняя» легитимация, обеспечивавшая ее воспроизводство. Власть московских князей-царей черпала легитимность в самой себе (вотчине, прародителях Рюриковичах) и в то же время нуждалась во внешней и высшей легитимации – сначала от монгольского «царя», затем от византийских и даже римских «корней»⁵³. Петербургскую монархию питала принадлежность к европейскому властному и идеологическому пространству; в XIX в. снесало стремление первенствовать в европейских делах, направлять Европу.

На заре Советской власти «внешняя линия» – от Маркса, интернационализма и мировой революции – была гораздо важнее внутренней укорененности. Зрелую власть Советов поддерживало лидерство в международном социалистическом движении, влияние Москвы в Третьем мире. Хотя с укреплением «государственного социализма» в СССР сложилась настоящая культура изоляции – экономической и политической (а изоляционизм, вообще, присущ национальной политической культуре), советская история, по мнению ряда исследователей, «может быть интерпретирована и как непрерывная, но не слишком удачная попытка» из нее вырваться⁵⁴. Уже при Брежневе в определенном смысле созревало намерение «присоединиться к Европе»⁵⁵, накапливался потенциал нового витка вестернизации.

Современная власть, отягощенная наследственным комплексом «европейца», одержима стремлением на Запад, желанием быть в числе восьми «самых западных» стран, стать «своей» в сообществе избранных. В поисках дополнительной легитимности, восполняющей недостаток «домашней» – проявление неоднородной, двойственной идентичности, потребность в которой вообще свойственна русским. Г.Г.Дилигенский писал: «Можно утверждать, что определенное восприятие «другого», и прежде всего западного (в той же мере, что когда-то восточного – Византии, Орды – *И.Г.*), мира образует органический структурный компонент национального самосознания, идентичности русского народа. Возможно, оно отличается в этом отношении от «самодостаточного» самосознания многих народов Запада и Востока, вырабатывающих собственную идентичность без особой оглядки на «других»⁵⁶.

⁵³ См. об этом: Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России... С.43–54. О европейском аспекте легитимности императорской власти см.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Екатерина II, Самодержавие и русская власть // РИЖ. Т.1, № 4. Осень 1998. С.233–236.

⁵⁴ См.: Краус Т. Ельцинизм на весах истории // Конец ельцинщины. Будапешт, 1999. С.128.

⁵⁵ Там же. С.129–130. По наблюдению Т.Крауса, «евро-американская ориентация Горбачева стала однозначной. Не случайно, что Запад почти до последней минуты поддерживал Горбачева против Ельцина» (Там же. С.130131). По словам А.Ципко, для Горбачева главным стимулом преобразований быстро стало «желание получить признание у лидеров ведущих стран мира, стать «другом Буша», «другом Коля» (Завтра лучше, чем вчера? // Мир перемен. 2005. № 1. С.16). Такое желание «дружить» (и, по возможности, семьями) отличает и его преемников.

⁵⁶ Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформации: Историко-политологический семинар. Материалы. М., 2002. Выпуск № 24. С.52.

Россия, будучи обременена стремлением к восприятию западного опыта, впитывая и перерабатывая, превращает его в нечто противоположное (во всяком случае, непохожее) исходному. В результате усвоенное «чужое» только усиливает «исконно русское»⁵⁷. Для нашей власти двойная самоидентификация с таким своеобразным результатом имеет особое значение. Она нуждается в подпитке чужим опытом, в усвоении иных политических моделей, порожденных современностью технологий (информационных, PR-, бизнес и др.). Они придают власти новую определенность, позволяют ей принять современные формы. Но не меняют ее по существу. Напротив, дают ей возможность выжить, приспособиться к другим условиям существования, правилам игры⁵⁸.

Русская власть – между «властесмутью» и «властепорядком»

Подведем предварительные итоги. За свою долгую историю русская власть накопила целый арсенал конструкций, схем организации, технологий – в том числе, трансляции самое себя во времени. По мере необходимости она прибегает к ним, обновляет их, создает их разные, не сводимые к прошлым, сочетания. Порой модели властного воспроизводства очень узнаваемы, порою поражают своей новизной. Но в большинстве своем они создаются из уже отработанных, опробованных (пусть, и забытых, отложенных «про запас») элементов, складывающихся в совершенно новую мозаику.

Характер трансляции верховной власти – и в дореволюционные, и в советские, и в нынешние демократические времена – нельзя назвать внутренне стабильным. Опыт, казалось бы, самой непротиворечивой в этом смысле системы – самодержавия – свидетельствует: здесь порядком была упорядоченная смута. Власть все время пересматривала основания собственного воспроизводства, ощущая недостаточность одних и бесполезность других. В критические моменты формировались сложные, неустойчивые конструкции «постановки» и передачи верховной власти, в которых сочетались разнородные элементы, взятые из прошлого и «изобретенные» современностью. В большинстве случаев такие модели

⁵⁷ Б.А.Успенский писал: попадая на русскую почву, чужие культурные модели, как правило, «получают совсем другое наполнение, и в результате образуется нечто существенно новое, – непохожее ни на заимствуемую культуру (т.е. культуру страны-ориентира), ни на культуру реципиента. В результате – пусть это не покажется парадоксальным – именно ориентация на чужую культуру в значительной степени способствует своеобразию русской культуры» (Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. СПб., 2002. С.397). Что касается власти, то именно усвоение чужого, восприятие западных технологий, потребительских стандартов, концептуальных схем, придающих ей современный облик, и позволяют ей существовать и действовать в соответствии с ее природой, самореализовываться в течение столетий как *русской* власти.

⁵⁸ «Природа русской власти «предполагает» заимствования и, прежде всего, того, чего в русской жизни нет вообще. Но заимствования функциональные, а не субстанциальные. То есть от западной субстанции отрывается функция и приспособляется к обслуживанию русской субстанции. Именно поэтому «технология» в Европе улучшает и облегчает жизнь индивида, а у нас – укрепляет Власть», – полагает Ю.С.Пивоваров (О некоторых «истоках» и «смыслах» русской публичной политики // Политическая наука. 2005. № 1. С.154).

обеспечивали устойчивость данного правления, а в дальнейшем требовали пересмотра. Каждый новый период порождает какой-то свой *mixt*, сочетающий переработанные элементы (или их имитацию) «старого порядка» и «новизну». В отношении советской и постсоветской власти об устойчивой традиции можно говорить с еще бóльшей долей условности.

Однако модели трансляции, способы установления верховной власти базируются на неких определенностях. Источником, высшей санкцией русской власти была и остается сама власть. Опыт современности свидетельствует, по крайней мере, о двух важнейших вещах. Первое. Для реализации самодержавного потенциала русской власти вовсе не нужны условия монархии. Наше самодержавие вполне уютно чувствует себя в новых, соответствующих современности, формах, декорациях. Властная самореализация предполагает преодоление ограниченности, зависимости от иных социальных сил, стремление от «долевой» к «полной» власти, т.е. к самодержавной норме. Не случайно в конструкции властной преемственности постоянно возобновляется так или иначе модифицированный «династический», наследственный принцип, а укрепление власти связано с усилением кратократической легитимации (власти – от власти). Не случайно также властное воспроизводство требует актуализации сакрального начала (русская власть всегда – апостол или творец некоей религии), создания культа «корней», связывающих власть с «почвой» и в то же время придающих ей внешнее измерение.

И второе. Наше общество не может функционировать без и вне самодержавной власти. Она скрепляет социум, являясь одной из его несущих конструкций, создает рамочные условия существования. Роль общества – точнее, народа как политического сообщества, коллективной социальной воли – служебная, функциональная. Власть достаточно свободна в своих действиях, так как от граждан не поступает новых импульсов политического участия. Они по-прежнему сотрудничают с нею, даже противостоя, и противостоят, сотрудничая. Своеобразная роль народа – как своего рода политической случайности – подтверждает факт сохранения низкого уровня политических понятий, привычек и потребностей, «как бы сказать, политической температуры социума»⁵⁹. Иных ограничителей (институциональных, гражданских, религиозно-нравственных), кроме привластных сил, у нашей власти нет.

И, наконец, проведенный анализ позволяет утверждать: в процессах воспроизводства русской власти мало значимы институциональные механизмы; властная трансляция происходит через внешнее отрицание традиции («сбросы» социокультурной памяти) и воспроизводство специфических трансляционных конструкций, отличающихся преемственностью на глубинном уровне. Результатом этого являются постоянные кризисы наследования, которые преодолеваются «включением» преимущественно рефлекторной

⁵⁹ Цит. по: Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 2. С.312.

(социобиологической) памяти, имеющей защитно-компенсаторную природу. Этим обусловлена чрезвычайно хрупкость всей системы, где власть имеет системообразующее значение; кризис преемственности может обернуться крахом политического порядка.

Партия власти:

потенциал «памяти» и актуальная политическая практика

Прошлое и современность имеют особую, чрезвычайно сложную связь на русской (как, впрочем, и на любой другой) почве. Здесь настоящее не предопределено прошедшим – в том смысле, что не восстанавливает его в качестве известных, опробованных и оправдавших себя, социально эффективных схем, моделей, конструкций. Очень велика зависимость каждой новой русской современности от текущего момента, условий, человеческого потенциала. В этом проявляется одна из главных национальных особенностей: русская социальность лишена своего отчетливого, устойчивого стиля; четких ярких форм, в которые отлился бы исторический опыт. Она хаотична, не определена, противоречива, находится в постоянном движении, как само русское пространство. Здесь очень трудно говорить о традиции (как о чем-то известном, устойчивом, преемственном) – разве только в смысле предпочтения существующего порядка вещей (в чем бы он ни состоял) нововведениям.

В действительности мы, русские, очень мало знаем о нашем прошлом – и все-таки воссоздаем в социальной практике «то, что было»; часто – практически «дословно», как будто «читаем с листа». Получается какая-то несообразность: на реальность воздействует и даже формирует ее «то, чего не было», и «то, что было и о чем мы не знаем». Здесь традиция каждый раз изобретается, подгоняется к настоящему. В то же время социальное развитие в чем-то очень последовательно. История «выкладывает» перед русским социумом набор возможностей, путей движения – и, большей частью, выбор делается в пользу наименее социально ориентированных, но властно эффективных. Это само по себе ограничивает возможности выбора в дальнейшем.

Природа партии власти в России: типичное и особенное

Когда-то Н.М.Дружинин отмечал, что в начале XIX в. «российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя»⁶⁰. Опираясь на эту мысль известного историка, сегодня можно сказать: в начале XXI в. российская демократия пытается создать новую формулу монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически

⁶⁰ Цит. по: Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С.37.

сохраняющую единоличную власть президента. Вообще же в определенном смысле имеется лишь два «идеальных типа» организации власти – «монархия» и «полиархия». То есть власть, сосредоточенная в одном «лице» (органе), или власть рассредоточенная, разделенная в различных институтах. В нашей стране, несмотря на троекратную за последнее столетие трансформацию политической системы, сохраняется монархическая власть (в идеально-типическом смысле). Подтверждением этому моему тезису является история современной партии власти. В ней как в капле воды отразилась природа русского кратоса.

В науке это явление рассматривается как типическое (не только и не столько российская особенность), своеобразно проявившее себя на нашем – и не только на нашем – политическом пространстве. Для российских политологов партия власти остается характерным для элит новейшего времени способом реагирования на ситуацию «переходного периода». Долгое время природа этого явления выводилась из «партийной», а не «властной» составляющей. В отечественной политологии партия власти нередко рассматривалась как партийное образование, участвующее в электоральном процессе, но решающее специфические задачи, которые возникают у исполнительной власти в период «демократической трансформации»⁶¹. Однако этот исследовательский подход пришел в явное столкновение с российской реальностью.

Испытание реальностью заставило российских политологов пересмотреть традиционный взгляд на это политическое явление. Сейчас партию власти характеризуют как «один из важнейших политических институтов правящего режима», инструмент его внутреннего укрепления (консолидации элиты, включения в политическую жизнь «значительной части госаппарата и всех тех «нужных» людей, кого не переварила исполнительная власть»), а также механизм «управления системой представительства гражданских интересов»⁶². Партия власти определяется «...как прямой клон исполнительных органов, непосредственно позиционирующих режим на политическом рынке, но в партийной форме», «... агент государства, строящий свою деятельность на чисто административных ресурсах», «кусочек» самого государства, продолжение его политического «тела», адаптирующегося в нехарактерном для себя сегменте политического пространства»⁶³. Этот «клон» воспринимается политологическим сообществом в качестве серьезной угрозы – преграды на пути становления «эффективной, сбалансированной плюралистической»

⁶¹ Обзор подобных точек зрения можно найти в работах современной петербургской исследовательницы А.Лихтенштейн. Как мне представляется, эта позиция релевантна по отношению к партийным образованиям восточноевропейских государств, проходящих стадию демократической трансформации. Партии власти «переходных» обществ Восточной Европы имеют, в первую очередь и в основном, партийный характер. Понятие «власть» в их определении вторично – в том смысле, что партии суть только инструмент достижения власти в электоральной борьбе. Это европейский опыт, отражение европейской традиции отношения к власти. Мы же с Европой (как, впрочем, и с Азией) – «два разных человечества».

⁶² См.: Соловьев А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М., 2004. С.321-328.

⁶³ Там же. С.325.

партийной системы⁶⁴. Его появление дает основания оценивать современные российские партии как «недоразвитые» варианты известных западных моделей», «имеющие скорее архаичные, чем современные характеристики», а партийную систему – как «прото» – или «квазимногопартийную»⁶⁵. Представляется, что этот подход, низводящий партию власти до положения русской «анти-нормы» (или «вырождения» нормы) и отрывающий ее от реалий электорального процесса, нуждается, как минимум, в уточнении.

Партия власти приобрела значение одной из «цитат», формирующих «текст» современной политики. С моей точки зрения, системообразующий элемент этого феномена – власть; его природа – не партийная, а властная. Специфика русской власти предполагает появление «привластных» структур, подобных партии власти. Они необходимы для самореализации этой власти в обществе. Иными словами, для контроля над социумом.

Современные исследователи квалифицируют русскую политическую культуру как «властечцентричную»; полагают власть если не единственным, то доминирующим субъектом русской истории⁶⁶. В том смысле, что у других похищена их субъектная энергия. В этих условиях власть становится главным действующим лицом на политическом поле. И в этом своем качестве она не нуждается ни в ком и ни в чем.

Что же касается «партии», то, как известно, она есть продукт европейской политической истории, а само понятие происходит от латинского *pars* (часть). Но если это так, то по-русски (не только в языковом, но и в социально-политическом смысле) это – *contradictio in adjecto*. Не может быть в русской системе «партии власти». Ведь власть – все. Однако в некоторые исторические периоды русская власть вынуждена играть в такие игры, в которых она становится – пусть на время, пусть вынужденно – похожей на обычную европейскую власть. Как правило, модификация происходит в те эпохи, когда ресурс русской власти, по той или иной причине, на время оскудевает. И тогда власть вынуждена – опять же на время – допустить на историческую сцену других, пусть гораздо более слабых, чем она, и даже еще не вполне состоявшихся, игроков. В этой ситуации она и создает в обществе партию власти.

Так было в 1906 г., когда самодержавие, наиболее устойчивая и совершенная форма русской власти, было вынуждено пойти на создание парламента (впрочем, ограниченного в своих полномочиях). Так было и в 1993 г., когда во второй раз в XX столетии, пытаясь погасить огонь гражданской войны, русская власть вновь дарует стране конституцию и парламент. И вновь начинает конструировать партию власти. С тех пор уже целое десятилетие

⁶⁴ См.: Кулинченко А.В. Политические партии и развитие демократии: Опыт России и Германии // Полис. 2004. № 2. С.156-157.

⁶⁵ См.: Там же. С. 156, 162, 164-166.

⁶⁶ См.: Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система // Политическая наука. М., 1997. № 2, 3.

власть только этим и занимается. Каждый новый созыв Думы – новая партия власти. Это стало способом отстаивания властью собственных интересов⁶⁷.

Сначала это было похоже на отступательные бои власти, пытающейся перегруппировать свои силы для последнего наступления и возвращения на утраченные позиции. «Выбор России» – «Наш дом Россия» – «Единство» – таков неполный перечень российских партий власти (притом, что «властный» компонент присутствовал во многих других партиях). Однако они не проявили себя эффективными инструментами структурирования политического пространства, серьезной силой. До сих пор причины прежних неудач партий власти исследователи склонны искать в партийно-политическом измерении. В их числе называют неспособность эффективно использовать имеющиеся ресурсы в коалиционных взаимодействиях, ненужную (власти) идеологическую самостоятельность многих членов партии, нестабильность опоры на рыхлое центристское большинство в Думе.

Но вектор поиска был задан неверно. Причины низкой действенности бывших властных политических образований – в слабости власти, а не в слабости партии. Победы «Единой России» связаны с усилением власти; ее стремлением преодолеть свою «разделенность» (в смысле Монтескье), собраться, «сосредоточиться» - и занять свое привычное место: единственного источника и субъекта социальной действительности. Создание партии власти – это показатель высокой степени адаптируемости русской власти к меняющимся историческим условиям. Партия власти выступает в качестве инструмента преодоления Смуты (когда – в том числе – происходит социальная самоорганизация «снизу»), создания предсказуемого, контролируемого («сверху») политического пространства.

«Партии порядка» во властной традиции

Для понимания природы партии власти необходимо обратиться к русской истории начала XX века. Тогда практически одновременно выдвигаются два конкурирующих политических проекта: в 1903 г. – партии нового типа, в 1905 г. – партии власти. Показательно, что инициатива их создания принадлежит

⁶⁷ Сейчас предпринимаются весьма интересные попытки вписать российский партийный опыт в мировой контекст; наша партия власти характеризуется как элемент доминантной авторитарной системы (Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире: Сб. науч. трудов. М., 2006. С.136-162). При этом указывается на такие особенности доминирования «Единой России», которые опровергают тезис о ее партийной природе и подчеркивают ее специфику («особость»): для обеспечения господства нашей партии власти используются недемократические средства; она не является правящей, т.е. не влияет на состав исполнительной власти и не несет ответственности за проводимый политический курс; ее доминирование предполагает подавление возможностей представления различных групповых интересов (внутрипартийной функциональной борьбы, малых партий и др.); логика ее создания прямо противоположна нормальной партийной – она возникла «в помощь президентской администрации» для оказания влияния на население и «облегчения законодательного процесса», «работает» на «консолидацию недемократического режима» (Указ. соч. С.159-162). Все это подтверждает наше исходное положение: «ЕР» не есть порождение партийно-властной системы; она – продукт властно-политической системы, один из инструментов власти.

персонификаторам русской власти: Ленину, олицетворявшему будущую власть, и ближайшему (тогда) сподвижнику Николая II – Д.Ф.Трепову. Эти проекты появляются в момент зарождения российской многопартийности, когда в России еще не было партий в европейском (т.е. классическом) смысле слова. Они определяют происхождение, а, значит, и судьбу в истории русской партии власти.

24 сентября 1905 г. Д.Ф.Трепов пишет письмо императору, в котором и формулирует идею партии власти («твердо сплоченной консервативной партии порядка»)⁶⁸. Это обращение было связано с обсуждением в политических кругах Манифеста 6 августа 1905 г., где «населению» была обещана Государственная дума («булыгинская») с законосовещательными правами. Треповский проект сводился к следующему: образовать в Думе «партийное» большинство «верноподданных» депутатов; включить в партию власти генерал-губернаторов, градоначальников, «которые, в силу своего служебного положения, всегда будут в состоянии составить около себя кружок влиятельных в данной местности лиц»; для организации партии командировать в провинцию «особо доверенных лиц»; поставить под контроль партии периодическую печать и с ее помощью формировать «проправительственное» общественное мнение. По мнению Трепова, «партия порядка» должна была принципиально отличаться от «обычных» партийных образований; она выражала фундаментальные интересы подавляющего большинства народонаселения Российской империи, а все остальные партии – эгоистические интересы мелких социальных групп.

Судьба этих проектов – ленинского и треповского - была различна. Старой русской власти не удалось реализовать идею создания своей партии. Объясняется это, прежде всего, качеством той власти, ее слабостью, растратой ею своей субъектной энергии. Она была мало приспособлена к политической деятельности нетрадиционного для нее (европейского) толка; не понимала, в какую эпоху она входила. Здесь показательна позиция Николая II. Думу, политические партии, выборы и т.д. он рассматривал как лишнюю, ненужную, избыточную возню; как некую помеху, с которой приходится до поры - до времени мириться. Если треповский проект предполагал «завоевание» Думы с целью сохранения исторической власти, то последний русский самодержец фактически придерживался той точки зрения, что в России наилучший вид политики – это отсутствие политики. Д.Ф.Трепов «догадался»: настали времена, когда, если хочешь остаться у власти, следует превратить конституционно-представительный механизм в механизм упрочения собственного влияния. Иного пути нет. Как раз этого и не понимал Николай II...

⁶⁸ См. об этом подробнее: Глебова И.И. Задача государства – «создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (Из официальной переписки Николая II и Д.Ф.Трепова) // Россия и современный мир. М., 2003. № 3 (40). С.180-197. В этой работе впервые опубликовано цитируемое письмо Трепова императору (ГА РФ. Ф.543. Оп.1. Д.645. Л.10-12об.).

Правда, в России были люди, осознававшие необходимость поиска новых политико-властных технологий. Причем, были еще задолго до появления в России публичной политики (1905 год). Так, в 1861 г. выдающийся русский реформатор Н.А.Милютин в письме своему брату Д.А.Милютину (военному министру) выдвинул идею организации «правительственной партии»: «... необходимо создать... партию, срединную, говоря парламентским языком: *le centre*, которой у нас нет, но для которой элементы очевидно найдутся. Одно правительство может это сделать, и для него самого это будет лучшим средством упрочения»⁶⁹. Разумеется, Н.А.Милютин, живший в «допарламентский» период русской истории, использовал слово «партия» в традиционном для его времени смысле. Под «партией» он понимал группу единомышленников, проводящую в обществе определенную политическую линию. Что же касается «правительственной партии» или «партии центра», то это должна была быть «серьезная часть образованного общества», сгруппированные «около правительства лучшие люди, которые подняли бы моральную силу его, обессилили бы крайние мнения и дали бы истинное, пошленькое значение нынешней оппозиции»⁷⁰.

Безусловно, Н.А.Милютин лучше многих его современников и российских государственных деятелей следующих поколений понимал и необходимость, как уже отмечалось выше, выработки нового властно-политического инструментария, и то, каким он может и должен быть. В этом смысле идею Милютина необходимо включить в «родословную» русской партии власти. Кстати, поразительно, что уже в милютинском варианте «правительственная партия» есть главное оружие власти против оппозиции. Это означает: проект партии власти предполагает не только превентивно-охранительные меры, но и активную, наступательную политику уничтожения реально влиятельной оппозиции. Следовательно, появление партии власти (хотя бы ее идеи) свидетельствует о том, что в России существует нечто принципиально независимое от власти, а потому и опасное ей.

Представляется далеко не случайным, что проект партии власти (в том или ином его виде) рождается в дореволюционной России в переломные, наиболее опасные для ее социального развития, моменты. Напомним: Милютин выступил с ним в 1861 г., Трепов – в 1905 г. Вновь мы сталкиваемся с этой идеей за три месяца до Февраля 1917 г. В ноябре 1916 г. в право-консервативном кружке Римского-Корсакова была составлена и передана князем Голицыным императору записка, в которой предлагалась программа конкретных мер по предотвращению в России революции. Один из важнейших элементов плана - организация партии власти: «Правительство во что бы ни стало должно иметь большинство в Думе и к созданию этого большинства должно относиться с величайшей ревностью и притом без всяких иллюзий и

⁶⁹ Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах: XVIII-XX вв. М., 1991. С.97.

⁷⁰ Там же.

предубеждений... В распоряжении председателя Совета министров должно состоять особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству»⁷¹.

Показательно, что авторы партпроектов, ничего не зная о других предложениях, воспроизводили специфическую логику: предлагали власти использовать конституционно-представительные механизмы для упрочения собственного влияния и сохранения (хотя бы и в несколько усеченном виде) политической монополии. То есть понимали власть как явление субстанциальное, «изобретая» специфические инструменты и функции для ее приспособления к новым условиям существования. Такая логика, на которой и строится русский социально-властный порядок, прямо противоположна западной, так как нацелена на подмену социальной самоорганизации и самоуправления («снизу») властной организацией («сверху»). Она просматривается и в ряде эмигрантских проектов, где «правительствующая» партия считалась единственным способом структурирования «постбольшевистского» правящего слоя, а также выражения народной «бессознательной» воли⁷².

...Итак, в начале XX в. проект партии власти провалился, возобладал же проект партии нового типа. Своеобразие отечественной истории XX в. состоит в том, что после крушения традиционной власти (самодержавия) следующая сформировалась посредством партии нового типа. Но она, в свою очередь, перестала существовать как партия (в смысле «pars»), как только пришла к власти, переродившись исключительно во властную субстанцию. Властное начало победило в ней партийное. И она стала властью, «оправленной» в партийность.

Через сто лет идея партии власти реализовалась (как, впрочем, и многие другие идеи в русской истории, осуществлявшиеся спустя век после их появления). Сегодня партию власти нередко называют новым изданием КПСС, но это совсем не так. КПСС пронизывала и контролировала абсолютно всю социальную ткань СССР. Она была системообразующим элементом той системы, основой тотальной власти. Называть «Единую Россию» КПСС-2 (равно как и правящей партией) – значит, придавать несвойственное ей значение.

Тем не менее, связь современной партии власти с советским политическим опытом неразрывна. Закономерно, что «публичная политика – 2» практически ничего не воспроизвела из практики начала XX в. – ни партий (близких по социальной «ориентации»), способам самоорганизации и обеспечения, идеологии), ни самостоятельного движения крупных промышленников и

⁷¹ Архив русской революции. М., 1991. Т.5. С.343. См. также: Последние дни императорской власти: По неизданным документам составил А.Блок. Минск, 1991. С.93.

⁷² См. об этом: Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006. С.160-162.

предпринимателей, ни независимых от власти общественных организаций, профсоюзов, кооперативов. И это понятно: иные люди (высокообразованная, утонченная элита и практически неграмотный народ), условия, возможности (в том числе, обеспеченные существованием наследственной монархии), средства. А самое главное: публичная политика начала XX века фактически была ограничена и ограничивалась элитой.

*Общественные ожидания и властные потребности:
место встречи – партия власти*

Российская партия власти конца XX-начала XXI столетий – это не штурмовой отряд, завоевывающий общество. Это – часть власти, исполнитель очередного властного заказа, инструмент ее приспособления к новой реальности. Наконец, это инструмент народной легитимации власти. И вот эта роль партии власти нуждается в особом осмыслении.

В условиях «переходного» периода власти приходится интегрировать плохо сочетаемые задачи: выстраивать электоральную поддержку на конкурентной основе и стремиться к достижению максимальной управляемости общества. Наша партия власти вынуждена участвовать в выборной борьбе. Но суть этого участия нельзя свести к такому понятному западному *homo politicus* и российскому исследователю явлению как артикуляция интересов граждан. В современной отечественной политике партия власти выполняет уникальную роль представительства, «продвижения» власти. Действуя в партийном облики в рамках состязательной партийной системы, партия власти представляет собой инструмент, который власть использует для получения электоральных преимуществ и приобретения доминирующего положения в политике. И в этом смысле здесь все происходит иначе, чем в западной политической игре.

Окрепшая российская власть снова претендует на безусловное право быть единственным источником и регулятором политических процессов. В своем продвижении к этой цели она и использует партию власти (с ее помощью – народонаселение). Голосование на выборах как наиболее распространенная форма гражданского участия в российской системе становится не столько формой влияния на политический курс, сколько способом легитимации власти, ее символической поддержки. Поэтому очевидна взаимосвязь между получением электоральной поддержки партией власти и шансами на выборах действующего президента как персонификатора власти (т.е. победы самой власти). На выборах российская партия власти демонстрирует свое участие. Она участвует, но не борется. Эта стратегия аналогична той, что была избрана для В.В.Путина – стратегия победителя. Она определяется самой природой партии как элемента власти, делегированного «отрабатывать»

представительскую функцию в условиях российской «представительной демократии»⁷³. Поэтому партия власти – вне реальной партийной конкуренции.

В особенностях электоральной борьбы «Единой России» есть еще один, глубинный смысл. Партия власти – способ приспособления власти к эпохе публичной политики. Власть в России традиционно тайная – в смысле поддержания «тайны Власти» как важнейшего качества, измерения русской власти. Став публичной и открытой для общества, наша власть, формирующаяся вне общества, управляющая им «извне», дистанционно (и в этом ее главное отличие от западноевропейской власти, порожденной обществом, в нем укорененной и ему подотчетной), перестает быть самой собой. Партия власти – публичный инструмент «непубличной» русской власти. Но и она, единственная из всех наших партий, должна демонстрировать свою сопричастность к «тайне власти». В такой логике понятно, например, почему «Единая Россия» не выставила участников публичных предвыборных дебатов в 2003 г. (она вполне могла это сделать) и почему наши граждане решили, что она в этих дебатах победила.

«Единую Россию» упрекают в отсутствии программы. Сразу после декабрьских выборов 2003 г. в СМИ звучали такие оценки: победила партия без обещаний, кроме одного – быть с президентом; это нарушает законы избирательного жанра. Или: голоса «Единой России» – это голоса президента; здесь нет массовой базы под единый политический курс. Эти упреки – следствие непонимания природы российской партии власти. У нее и не должно быть «партийной» программы. Ее программу формулирует, представляет и выполняет власть. Основное электоральное преимущество партии власти обеспечивается не партийной программой, а фактом принадлежности к власти.

---

⁷³ Кстати, и сами граждане особым образом понимают демократию и гражданское участие. Еще «в опросах середины 90-х годов определение демократии формулой «власти избираются народом» поддержало только 5-7% опрошенных, а формулу «соблюдаются права человека...» – 29% (Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. № 24. М., 2002. С.58). По оценкам некоторых исследователей, значительная часть россиян воспринимает политические партии в контексте «традиционного для российской политической культуры патерналистского дискурса, безоговорочно отторгающего идею народного суверенитета и интерпретирующего любые политические процессы и институты сквозь призму бинарной оппозиции «власть» (субъект) – «народ» (объект). В рамках этой оппозиции любая партия... априори рассматривается как принадлежащая к миру «власти» и несущая непосредственную ответственность за положение дел в стране» (Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. 2007. № 1. С.120-131). «Средний россиянин» в массе своей не полагает за партиями собственно политических функций (консультирование правительства, лоббирование интересов соответствующих социальных групп, участие в определении текущих приоритетов государственной политики, осуществление контроля за властью и др.), считая их специфическими, «периферийными» структурами государственной власти. Последняя видится как некое единое (не поддающееся «расчленению» – на какие-то структуры (институты) и уровни со своими специфическими задачами) образование, не зависящее от народа, но несущее тотальную ответственность за него» (Там же. С.124). Интегрированные в это образование партии должны осуществлять общие для всей системы функции – управлять страной и опекать («попечительствовать») население. «Такая интерпретация с неизбежностью порождает тотальную неудовлетворенность деятельностью любой партии в пространстве публичной политики – в силу изначального несоответствия данной деятельности тем критериям, которые применяются для его оценки» (Там же. С.125). И в этом контексте понятно, почему, голосуя за партии, большинство наших граждан выбирает власть.

Да и, кроме того, нашим обществом никакие программы, обещания, декларации давно не принимаются всерьез. Вспомните, у В.В.Путина тоже не было программы – и это ему не помешало, а, возможно, и помогло стать президентом.

Современной партии власти нет нужды в разработке и предъявлении обществу «идеологии» (она и в этом смысле не КПСС). Важно, чтобы с внятной идеологией, приемлемой стратегией социального (и любого другого) развития выступила власть. Партия власти должна быть эффективным инструментом позиционирования власти. Ее роль, скорее, представительская, мобилизационная, чем «рабочая», технологическая (в смысле определения основ политического курса и его реализации). Поэтому не правы те ее лидеры, что заботятся о программе партии и предъявлении обществу инициатив социального порядка. Это – прерогатива власти. «Партийцы» в России не вызывают доверия общества (как и объединяющая их лучших представителей выборная законодательная структура)⁷⁴. Зачем тратить «ресурс» на заведомо провальные проекты? Главная «публичная» забота партии власти – заботиться об имидже власти, особенно в кризисные для нее периоды. В России уважают сильную власть (даже вызываемый ею страх готовы принять как порождение и проявление этой силы)⁷⁵. Поэтому реальные шансы в борьбе за голоса

⁷⁴ Показательно, что «в 1994 г. лишь меньшинство (29%) опрошенных считали свободные многопартийный выборы положительным результатом реформ, относительное большинство (33%) полагают, что эта новация принесла больше вреда, чем пользы» (Дилигенский Г.Г. Указ. соч.). Через десять лет «более половины россиян не высказали симпатий ни к одной из действующих политических партий, а уровень доверия к партиям как общественному институту находится на рекордно низком уровне – 5,7%» (Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004. С.108-109). Многопартийность сейчас поддерживает 24% россиян (Керман Г.Л. Указ. соч. С.122). Причем, это не обязательно предполагает приверженность принципам народного суверенитета и политического плюрализма. Полагая, что партии должны нести коллективную ответственность за положение дел в стране, соучастывая в управлении и попечительствуя о народе, «средний россиянин», как правило, не видит пользы в межпартийном соперничестве (конкуренции) и наличии оппозиции. Как показывает, например, опрос Фонда «Общественное мнение» (июнь 2006 г.), многие граждане «трактуют межпартийные «споры» не столько как политическую борьбу, в которой кто-то одерживает локальные победы, а кто-то терпит поражения, сколько как некие экспертные сессии, ориентированные на совместный поиск «истины»... Причем, очевидно, нередко подразумевается, что партии должны обладать скорее совещательным голосом, тогда как решающее слово должно принадлежать правительству или главе государства» (Там же. С.127). По мнению значительного числа опрошенных, партии «мешают нормальному функционированию государственной власти»; апеллируя к избирателям, втягивают их в «свои разборки»: «баламутят народ», «вносят в людей разброд и шатание, разобщают» (Там же. С.131). Интересно, как реагировал на многопартийность простой русский человек в начале XX в. (из письма в Совнарком, декабрь 1917 г.): «Народ наш так запутался в паутине, выпущенной вождями различных партий, что он совершенно не понимает за кем идти и кого слушать. Каждая партия убеждает народ по-своему. Все тянут и разделяют народ во все стороны... Больше двух партий у нас не должно быть. Должны быть только угнетаемые и угнетатели» (Цит. по: Лившин Б. Общественные настроения в постсоветской России 1917-1929 гг. М., 2004. С.143). Очевидна преемственность в политических предпочтениях. Особенно интересны представления о партийной системе. Сейчас социологи считают, что «концепт двухпартийности в российском массовом сознании специфичен»: двухпартийность «позволяет реализовать плебисцитарную модель электорального выбора – голосование за единственную оппозиционную партию трактуется здесь как вотум недоверия партии правящей. Такая модель избавляет избирателя от необходимости ориентировать в политическом спектре и вообще не требует от него ни политической рефлексии, ни каких-либо политических установок, но дает ему возможность выразить свое отношение к действующей власти» (Кертман Г.Л. Указ. соч. С.122).

⁷⁵ Вот что пишет об этом первый президент России: «Власть всегда воспринималась как образ какой-то невероятной, тотальной силы, настолько устрашающей и несокрушимой, что даже сама мысль о попытках

избирателей имеет партия сильной власти. Или: голосов будет тем больше, чем качественнее представлен в обществе образ сильной власти.

В этом и состоит привлекательность электоральной политики партии власти. Притом, что исследователи отмечают факт сохранения в обществе чрезвычайно низкого уровня доверия к различным институтам власти, а также эффекта «обманутых социальных ожиданий», на выборах 2003-2004 годов наш народ вновь продемонстрировал наличие громадного ресурса доверия власти. Можно не соглашаться с народным выбором, но приходится признать, что партию власти люди видят иначе, чем другие партии.

Только власть строит, обеспечивает, поддерживает жизнь; она в этой стране хотя бы за что-то отвечает. Власть, укрепившаяся и подтвердившая свою силу – единственный гарант относительной стабильности, порядка, безопасности для граждан. В этом смысле народ и власть (а, значит, и ее партия) едины. Поэтому у нас всегда побеждает Власть. Любой выбор «против нее» невозможен, потому что он «антинароден». В этом предсказуемость, «понятность» российского избирателя, вообще российского человека⁷⁶. О котором еще в середине XIX века совершенно справедливо писал выдающийся политический мыслитель Л.В.Дубельт: «Наш народ от того умен, что тих, а тих от того, что не свободен»; «не избалован свободой и ни с чем не сообразными правами человека»⁷⁷.

Опросы общественного мнения, проведенные фондом «РОМИР» весной 2004 г., подтверждают эту оценку «нашего народа». Респондентам был задан вопрос: «Кто из этих реальных людей и вымышленных героев мог бы стать лидером партии «Единая Россия?»⁷⁸. Выбор персонажей более, чем показателен. Определяющими, формирующими их образ, являются два основных «качества», дефицит которых, видимо, особенно ощутим в современной русской жизни. Первое – это борьба со «злом», победа над ним или героическая смерть в противостоянии ему. Второе – благородство

переворота, путча, мятежа казалась достаточно абсурдной. Власть может рухнуть только сама собой» (Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С.129). Верховная власть в представлении «среднего россиянина», есть субстанция (организующее и направляющее начало) всей государственной системы. Причем, не обезличенная, а персонифицированная, воплощенная в конкретной личности. Поэтому «персоналистский режим» (термин, которым всё чаще определяют правление В.В.Путина) есть непреходящее качество русской власти. Иными словами, у нас любой режим «персоналистский». Именно с этим субъектом (а не государством как таковым) наши граждане «входят» в символические отношения, во многом определенные идеальными образами и устойчивыми коммуникативными схемами, заложенными в традиционной политической культуре.

⁷⁶ Имидж «Единой России» конструировался в расчете на такого «среднего россиянина»: подчеркивая свою функциональную роль в политике, свою «вписанность» во властную систему и ориентацию на верховную власть (в лице ее пресонификатора), «ЕР» демонстрирует свою удаленность от «сомнительной» сферы публичной политики. Самопрезентация в качестве «партии реальных дел» работает на образ прагматичной, реалистической силы.

⁷⁷ Цит. по: Ерошкин Н.П. Указ. соч. С.41-42.

⁷⁸ Вот некоторые ответы: маршал Жуков – 27%, Штирлиц – 15 %, Глеб Жеглов – 14 %, Чапаев – 9 %, Павел Корчагин – 8 %, Данила Багров («Брат») – 8 %, Ш.Холмс и герой фильма «Москва слезам не верит» Гоша – 5 %; от 4 до 2 % набрали Атос, Шурик («Кавказская пленница»), Пьер Безухов, Юрий Деточкин («Берегись автомобиля»), Печорин, Женя Лукашин («Ирония судьбы»), Дон Кихот, С.Есенин (См.: [http // www.monitoring.ru](http://www.monitoring.ru); www.romir.ru).

характера, бескорыстие. Обращает на себя внимание то, что люди, олицетворяющие первое качество, являют собой пример железной воли, сильного характера. Второе – «блаженные», персонифицирующие идеал непротivления злу насилием, но преодолевающие зло смирением и благородством.

Из всего этого можно составить некий идеальный, «очеловеченный» образ партии власти, а также идеальных представлений «усредненного» избирателя. Партия и ее лидеры видятся российскому гражданину как сила, преодолевающая социальное зло, наказывающая носителей этого зла (партия «народной расправы»). И в тоже время волевой, героическо-искупительный образ сдобрен элементами благородства, привлекательности, доверительности. Попутно заметим, что среди этих персонажей нет ни одной женщины. Это партия «настоящих» (по-разному) мужчин.

О чем, на наш взгляд, свидетельствуют эти опросы? В представлениях людей о партии и ее вождях проявляются как фундаментальные черты сознания российских людей, так и качество самого проекта, его реализации. Русская власть, по-прежнему не современная (в смысле *modernity*), архаичная, неполитическая, использует для выживания современные технологии. Одним из способов этой адаптации является создание партии власти. Причем, и власть, и ее партия действуют в социальной среде, в которой также господствует не современный, архаичный, неполитический тип сознания. И в этом смысле власть, партия власти и электорат вполне соответствуют друг другу. Правда, в идеальном смысле, в замысле. Это ведь россияне хотели бы видеть «Единую Россию» таковой. Более того, таковой они хотели бы видеть и русскую власть.

Вот здесь и кроется «гениальность» современных кремлевских треповых – милютиных. Они поняли, что партия власти должна быть сконструирована «по образу и подобию» самой власти. То есть «по образу и подобию» «мечтаний» о ней русского общества. Можно сказать: они встретились. Они – это ожидания россиян от «своей» власти и расчет власти в отношении «своих» россиян. «Местом встречи» стала идея (а не практика, конечно) партии власти.

*Кратократический транзит конца XX – начала XXI веков
и партия власти*

Современная политическая ситуация свидетельствует: российскому обществу, российской политической культуре не органична «демократия», т.е. система устройства власти, «опосредованная» обществом, гражданами. Победы партии власти еще раз обнаруживают и подтверждают кратократическую природу русского социума. Здесь все происходит «для, через, посредством» власти. Даже партии, которые вроде бы представляют собой независимые политические образования и должны артикулировать и агрегировать

разнообразные политические интересы, в российской системе перерождаются, «приватизируются» властью.

Когда в 1990-е годы в России происходило становление партийной системы, возникло две доминирующие группы партий: организованные на партийный лад обломки структур старой, коммунистической, власти и партии новой, посткоммунистической, власти. Третью группу составляли партии, более всего похожие на западные партийные образования – в силу того, что были лишены русско-властной природы. Они и являлись порождением самого процесса «перехода» от «старого» к «новому».

Здесь, кстати, возникает вопрос: в чем она, «переходность» современного российского общества, каковы векторы этого «перехода»? В настоящее время все более очевидным становится, что существо пережитых нами с конца 1980-х годов изменений невозможно описать в терминах модернизационной теории демократического транзита. «Демократический переход» предполагает возникновение в социальном пространстве элементов «демократии». У нас если они и существуют, то, в основном, по форме, внешне. По сути подавляющее большинство «новаций» традиционно автократично. То, что это не был «демократический транзит», свидетельствует (в том числе) судьба «вне-властных» партий – растеряв свою влияние и независимость, они превратились в политических аутсайдеров или вошли в партию власти.

Ситуацию нашей «переходности» невозможно описать ни в терминах «возврата» (в «старое», к «коммунизму», «тоталитаризму»), ни в терминах «гибридности» (сосуществования и взаимовлияния «старого» и «нового»). Для понимания пережитого Россией в 1990-е годы «перехода» мы предлагаем идею «кратократического транзита» – движения от одних властных структур, одного способа «организации» власти, к другим, соответствующим новым социальным условиям. Очевидно: сейчас власть ищет формы восстановления традиционных российских способов своего существования, органичных нашей социальной природе; пытается преодолеть те «недостатки», восполнить те «дефициты», которые порождены новой социальной реальностью. В качестве одного из инструментов она и использует партию власти (не будем связывать ее исключительно с «Единой Россией», рассмотрим как политический проект, который может принять разные формы). Это не узко партийная, а широкая многоцелевая задача, предполагающая создание нового «социально-властного» организма. У нее есть несколько измерений.

Прежде всего, партия выявляет и отражает обновленную природу современной власти. Она уже не может устранить из жизни публично-политическое – напротив, ей требуются демократические формы, процедуры, способы легитимации. В этом смысле XX в. стал свидетелем сокращения «дистанции» между русской властью и русским обществом. Партия нужна власти для того, чтобы поддерживать принцип разделения властей, саму законодательную власть, наличие которой закреплено в Конституции. Это

обязательный элемент, «формат» существования современного государства, а Россия не может себе позволить быть не современной.

Демократические свободы, процедуры нужны российскому обществу, которое теперь вряд ли захочет с ними расстаться. Но они необходимы и власти, так как дают легальную, правовую возможность замены «плохой» власти на «хорошую» («слабой» – на «сильную», «порицаемой» – на «любимую»), скажем, Ельцина – на Путина. Это своеобразный социальный клапан, способ организации мирной реакции граждан на не удовлетворяющие их условия существования. Но способ ограниченный – самими же гражданами: они могут отказаться поддержать кандидата или партию власти. Тем не менее, таким образом можно осуществить процедуру передачи власти лидеру, более соответствующему современному состоянию и запросам общества.

Ограничение формально-правовых процедур, публичного пространства опасно для власти: ее замыкание «в себе» (в атмосфере всеобщего недоверия или в силу «головокружения от успехов») чревато как угрозой «дворцового переворота», так и социального взрыва. Власть в этом случае перестает «слышать» общество: при исключении всякой публичной критики, кроме «дозволенной» (разрешенного «многоголосия на один голос»), она не замечает наиболее болезненных проблем и критических точек развития, не ощущает общественного давления. Все это резко снижает возможности ее адаптации к социальным изменениям.

Партия для власти есть способ упорядочивания политического пространства – для облегчения управления им, но и в соответствии с «запросами» граждан. 90-е годы продемонстрировали, что публичная политика, многочисленные партии, лица, структуры – это слишком сложная игра для России. Вся эта «множественность» избыточна для нее. В обществе существует потребность к упрощению – жизни вообще, политики, в частности⁷⁹. Она определяет «общественный дух», (массовую) волю «среднего», «простого» человека. С ним не «справились», не смогли увлечь и повести за собой публичные политики недавнего прошлого. Партийные образования тех лет, ушедшие сейчас с политической сцены, так и остались, в известном смысле слова, «партиями Садового кольца». За дело взялась власть – и дала гражданам партию, выражающую не частные, партийные, а общие (народные) интересы⁸⁰.

⁷⁹ См.: Левада Ю. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С.184-202, 440, 548 и др.

⁸⁰ Подчеркивая свою роль – уполномоченных власти в деле «защиты народных интересов», «ЕР» «отстраивается» от негативного образа политических партий, сложившегося у избирателя. В ходе общероссийского опроса ФОМ (август 2001 г.) 52% респондентов заявили: партии приносят России больше вреда, чем пользы (противоположную позицию заняли 22%) (Кертман Г.Л. Указ. соч. С.130). Претензии граждан в основном сводятся к следующему: партии «болтают» и бездействуют («между собой грызутся», «много говорят, а помощи народу нет»); постоянно конфликтуют («никак не договорятся», «раздор, споры, нет единства»); борются за власть («между ними идет борьба за власть, в результате – меньше порядка») (Там же). Принадлежит к публичной сфере, но вставая над межпартийным соперничеством и демонстрируя участие в повседневной практической работе по решению социальных проблем, «ЕР» указывает на свою продуктивность для интересов страны (в отличие от остальных «контрпродуктивных» партий, ориентированных на

При этом она заполняла собою не занятые участки политического поля или вытесняла с него тех, кто оказался не способен (используя электоральный процесс) ей противостоять.

Однако, монополизировав политическое пространство, власть вынуждена считаться с общественными запросами, приспособляться к ним. В конце XX в. русское общество стало дискретным, сегментированным, его невозможно свести к одному, общенародному интересу. Множество социальных интересов не способно представлять одно партийное образование. Не случайно в это время была создана серия разных партий власти. Нынешнему состоянию общества больше соответствует идея партийной системы власти, а не партии власти. «Центровые» этой системы сосредоточены в «Единой России». Она и есть та питательная среда, в которой (возможно) будет формироваться властная партсистема. Ее составят массовые партии, способные представлять разные интересы постсоветских граждан, переплавлять их в символическое единство⁸¹.

*«Антинародная» власть – «народная» партия:
основания виртуализации партийного проекта*

Общественную ситуацию, социальный «климат» 1990-х гг. определяли ожидания от власти, носившие преимущественно стабилизационный характер: «...политическая элита надеялась на изменение стиля управления, масса – на снижение цен и уровня безработицы, те и другие мечтали о «наведении порядка»⁸². Резко отрицательное отношение граждан к власти было обусловлено ее слабостью, а значит, неспособностью «обеспечить свои функции по отношению к населению. Более половины россиян характеризовали политическую ситуацию как «безвластие и анархию»⁸³. Массовый политический человек был готов (и воспринимал это как благо) к «усилению» (вплоть до демонстрации силы), консолидации власти, преодолению «разболтанности и расхлябанности» государственного механизма, децентрализации, сепаратизма («удельщины»). Хотя «при всякой постановке перед общественным мнением дилеммы «демократия или порядок» порядок неизменно одерживал верх⁸⁴, граждане хотели сохранить свои свободы (прежде всего, передвижения, а также гласность и минимальный политический плюрализм). Интерпретируя социальный запрос, «стабилизационная власть»

«партикулярные», «клановые» интересы). В этом смысле, в восприятии значительной части населения, «ЕР» сливается с властно-административной системой.

⁸¹ Если ориентироваться на предпочтения социального большинства, оптимальным было бы создание двухпартийной властной системы: «ЕР» оставалась бы «правлящей» партией, «Справедливая Россия» имитировала оппозиционную партию – но не верховной власти, а той линии, которую проводили единороссы, Дума в целом и правительство. Тем самым власть структурирует политический класс, создавая условия для контролируемой борьбы в «верхах» и возможности для организованного «сверху» выражения общественного мнения.

⁸² Левада Ю. Указ. соч. С.182.

⁸³ Образы власти в постсоветской России... С.74.

⁸⁴ Левада Ю. Указ. соч. С.182.

(термин Ю.Левады) могла предложить обществу переход от чрезмерного многообразия к консолидации всех политических сил, от разобщенности – к единству, интеграции на уровне «большого общества» под эгидой «верховой» (президентской) власти. Это она, собственно, и сделала. – И была встречена гражданами «с пониманием».

В конце прошлого столетия подавляющее большинство населения страны считало, что проиграло от изменения экономической системы, но уже приспособилось или вскоре приспособится к переменам⁸⁵. Массовые экономические ожидания носили патерналистский характер; исследователи отмечают доминирование в обществе «патерналистских конструкций социальной реальности»⁸⁶. Это объясняет, почему в народной «картине мира» современная власть оценивается как антинародная. По мнению большинства граждан современной России, интересы власти и народа совершенно разошлись, обычные люди нужны власти только для выполнения определенных функций (голосование) и должны выпрашивать как милостыню зарплату и социальные пособия; власти нет дела до простого человека и его проблем⁸⁷. Желая «ощущать присутствие власти в повседневной жизни», граждане в то же время воспринимают ее как «чужую», «далекую» – и противопоставляют «своей», «при которой простым людям жилось лучше всего». А своя, «народная» – это Советская, эпохи «брежневского застоя»⁸⁸.

С таким социальным фоном, народными ожиданиями столкнулась новая, путинская, власть. Исследователи характеризуют этот запрос к власти как «некий гибрид (или химеру?) более жесткой политики и относительно либеральной экономики»⁸⁹. На самом деле, в представлениях российских граждан о материальном благополучии и социальной защищенности нет ничего от «экономического либерализма». В социальном и политическом народных идеалах ощущается влияние традиционных представлений, пристрастий и исторического опыта. Одну из центральных «народных» идей выразил когда-то К.Д.Кавелин в концепции «самодержавной республики»⁹⁰. Ее отголоски слышны в определениях российского «переходного политического режима» как «выборного самодержавия». Свой социальный идеал воплотило советское государство. Вот как описывал его Н.Н.Алексеев: «народное государство, опирающееся на сочетание диктатуры с народным представительством»⁹¹. Очевидна близость этого идеала – идей демократии, диктатуры (демократуры) и социальной справедливости, «исправленных» и «преображенных» в примитивном, безрелигиозном и материалистическом смысле – постсоветским гражданам. Столь же очевиден интерес, который проявляет к этому идеалу (не

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Образы власти в постсоветской России. С.67.

⁸⁷ Там же. С.163.

⁸⁸ Там же. С.67, 74.

⁸⁹ Левада Ю. Указ. соч. С.183.

⁹⁰ Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии истории и культуры. М., 1989. С.436, 440.

⁹¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С.115.

зная определения Алексеева, придя к нему инстинктивно) власть. Если идеи демократии и диктатуры она реализует на практике, то «социальная справедливость» может быть воплощена ею только в сфере слов, образов, символов.

Именно поэтому современная власть так нуждается в информационном ресурсе. Партия власти является одним из инструментов ее выхода в публичное информационное пространство. Власть неизбежно будет использовать медийную среду для реализации своих целей. Партийный проект есть одно из средств «приватизации» этой среды, навязывания определенных политических смыслов «массовому зрителю». По законам современной глобальной политики, «политический синтез социального пространства закрепляется посредством коммуникации», а потому «...контроль над смыслами и значениями языка, а также над сетями коммуникаций становится основным предметом политической борьбы... Переход к постсовременности... являет коммуникацию, производство и жизнь как одно сложное целое, как открытое поле конфликта»⁹².

Это определяет характер «отношений» власти и мира коммуникаций: «Индустрия коммуникаций объединяет воображаемое и символическое внутри биополитической ткани, не просто ставя их на службу власти, но и фактически встраивая их в само ее функционирование»⁹³. В современном мире коммуникации не просто опосредуют политику. Они суть форма ее осуществления. Особенность нашей политики состоит в том, что коммуникативный мир языка, информации и символов является не формой реализации власти, пространством решения ее «очередных задач», но интегрирован в «мир власти», определяя его «содержательно», по существу. В мире коммуникации вырабатываются социальные значения, позволяющие существовать и воспроизводиться власти (демонстрируя, в том числе, как посредством новейших технологий обществу навязываются архаические образцы, смыслы, символы); там снимаются или редуцируются социальные противоречия. В этом смысле, русская власть в любое время имеет качества «медиакратического режима», а назначение информационно-символической деятельности состоит в преодолении (или его демонстрации) отчужденности власти и общества, моделировании их единства.

---

⁹² Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С.44, 372. Современность не только не может противостоять, но и предполагает «информационную колонизацию бытия». При этом речь идет уже не о виртуализации реальности, а создании (виртуальной) реальности со своими смыслами, кодами, сообществом пользователей. Медиа-реальность способна быть имитатором реальной (в том числе, политической) активности, задавать параметры мира политики, для массового человека, формировать (индивидуальные и коллективные) реакции на него.

⁹³ Там же. С.44.

Роль партии в накоплении субъектности власти

Но вернемся к партии власти. Это попытка создания некоей привластной группы, с помощью (и посредством) которой власть будет управлять обществом. Вспомните: в Московской Руси реализовывался боярский принцип управления, в имперской России – дворянский, в СССР – номенклатурный. Какой у нас сегодня? Назовем его условно «партийно-властным». Для управленцев, «вышедших» из партийно-коммунистической советской системы, это вполне органичная находка.

Сейчас принято характеризовать «Единую Россию» как партию бюрократии, чуть ли не государственную структуру, составленную из представителей исполнительной власти⁹⁴. Тем самым партии придается самостоятельное значение; она становится одним из главных оснований для характеристики современного режима как бюрократически-авторитарного⁹⁵. Это не точно по существу. Во властном партийном проекте власть отделена от партии – в том смысле, что «Единая Россия» только представляет власть, является одной из ее функций. Власть субстанциальна, а партия – функциональна⁹⁶. Как, собственно, и бюрократия – та ее часть, которая «служит» в партии. Эта «диспозиция» не изменится, даже если условием «государевой службы» станет партбилет (какой-нибудь из) партий власти. Что же касается определения существа «режима», то в русских условиях любой режим можно характеризовать как бюрократический. Это – бытийственная, а не переменная характеристика властной организации.

Специального обсуждения заслуживает состав партийцев. В известном смысле, «Единая Россия» действительно является партией «новой» власти⁹⁷. Путинский «служилый класс» обладает характеристиками и советской номенклатуры и дореволюционного чиновничества (того же дворянства на гражданской службе). От первой у него – зависимость от власти и характер организации; от второго – разрешение владеть собственностью, богатством.

«Служилых людей» путинского порядка объединяет еще одна черта, которая, скорее, приписывается им гражданами, чем существует в реальности. Это большая близость (или меньшая удаленность) от идеала социальной справедливости, народной морали. Большинство граждан упрекают власть в

⁹⁴ См.: Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. М., 2004. Том 8. № 3. С.55.

⁹⁵ См. об этом: Там же. С.40-46.

⁹⁶ Партия власти может служить и для «перевода» народного недовольства с власти на партию. Власть вполне может дистанцироваться от «использованной» партии – и создать какую-то новую.

⁹⁷ Прежние властные партийные образования формировала «старая», ельцинская, власть. Те партии принадлежали Смутному времени, породившему «бояр-олигархов», «удельных князьков», публичных политиков из среды «приватизаторов», демократов, реформаторов. В эпоху Порядка произошел «перебор людишек»: «чужаков» во власти, пытавшихся ее приватизировать, сменили «свои» – «государевы люди», бюрократы. В который раз в русской истории дворянский, служило-бюрократический принцип одержал верх над боярским, удельно-олигархическим (правда, больше внешне, чем по существу).

жадности, коррупции, стремлении «подмять всё под себя»⁹⁸. «Лицо» нынешней власти – В.В.Путин – они склонны характеризовать иначе: его воспринимают сквозь призму модели «вынужденного властвования» («власть не нужна, власти не добивался»); он – вне рамок «грязной политики»; стремился к власти ради общезначимого дела, а не для материального обогащения⁹⁹. Окружающих его силовиков, сотрудников спецслужб значительная часть населения тоже «видит» в несколько романтическом ключе: в КПСС они принадлежали к «вооруженной партийной гвардии, обладавшей правами надзора за всеми кадрами и организациями и – по легендам – не причастной ко всепроникающей коррупции, в том числе нравственной»; их меньше, чем остальные государственные структуры, затронули разложение и распад 1990-х годов.¹⁰⁰ Этот образ «спасателей» распространяется на всех путинских выдвиженцев.

Возрождая проект «партия власти», власть признает усложнение социального организма и наличие в обществе конфликтов, с которыми надо что-то делать. С признанием социальных конфликтов было связано создание партии власти в начале XX века. Партия нового типа была нацелена (и в теории, и на практике) на изживание, уничтожение конфликтов. Новый проект партии власти свидетельствует о том, что власть не только «принимает» сложную конфликтную природу общества, но и не может справиться с ней старыми советскими методами. Партия власти – это способ преодоления властью социальных конфликтов с помощью новых технологий¹⁰¹.

Введение принципа партийного управления на некоторое время поможет снять остроту конфликта между ведомственным и «территориальным» (областным, краевым, республиканским) управленческими принципами. Через партию как синтез партийно-учрежденческого, партийно-государственного начал возвращается «единая, неделимая» власть. Недаром лидеры наиболее влиятельных государственных структур современной России возглавили партию «новой» власти. Партия власти – это не способ отмены, но – преодоления системы разделения властей. Русский вариант приспособления к современным формам организации власти предполагает ликвидацию самостоятельности отдельных властных образований. В той же мере партия власти есть способ преодоления «удельной» разобщенности, приближения к идеалу «Единой России».

И, наконец, партия власти может быть инструментом восстановления традиционного принципа российской Власти – соединение в одних руках административных и хозяйственных функций, единство властесобственности. Оно было разрушено в 1990-е годы, в период нового накопления капитала (за счет ограбления не крестьянства, как в конце 1920-х – 1930-е годы, но прежде

⁹⁸ См.: Образы власти в постсоветской России... С.167.

⁹⁹ См.: Там же. С.188-189.

¹⁰⁰ Левада Ю. Указ. соч. С.189.

¹⁰¹ В связи с этим нельзя не вспомнить концепцию «властной плазмы» Ю.С.Пивоварова. (См.: Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006. С.162-164).

всего городского населения) и господства конкурентно-властной системы. Формирование монопольно-властной системы предполагает возвращение властью утерянных позиций и в «бизнес-пространстве».

Объединение в одной партии и олигархов, и чиновников во многом снимает противоречие между властью и собственностью. Пытающаяся сохранить свою независимость и влияние собственность будет «приватизирована» (уничтожена) властью¹⁰². «Допускаемая» в обществе собственность попадет под контроль власти. Через свою партию власть пытается реализовать идею нового «общественного договора», достичь базового социального консенсуса. Только не по поводу общества и личности, как это всегда происходит на Западе, а по поводу и с позиций власти.

Подводя итоги, укажем: создание партии власти не было связано с обращением к актуальной политической традиции, использованием сохраненного и критически «проработанного» опыта. Напротив, это одна из забытых политических идей, смутный образ (из) прошлого, о котором современная власть не знает и, видимо, не хочет вспоминать. При этом, реализуя собственный проект, воспроизводит в основных чертах «находки» предшественников. Так проявляется специфика отношения русской власти к своему наследию: политические идеи и практики, отработав свое, отбрасываются, забываются, а затем, по мере надобности, изобретаются вновь. Воспроизводя традиционную логику политической преемственности в России, ориентирующую не на развитие через критическую саморефлексию, а на выживание, самосохранение, власть обрекает себя на хаотические, судорожные действия (по типу «вызов»—«реакция»), во многом повторяющие прежние, уже предпринимавшиеся в сходных условиях. Это демонстрируют как практики властной трансляции и легитимации, рассмотренные в ретроспективной проекции, так и история партии власти. В конечном счете, традиционный тип наследования (среди прочего) препятствует обновлению природы власти, преобразованию ее отношений с обществом.

---

¹⁰² Потому были совершенно не оправданы (и не оправдались) надежды на «представителей класса предпринимателей», которые, выйдя на политическую арену для защиты корпоративных интересов, вернут российским партиям функции артикуляции и агрегирования интересов (См.: Кулинченко А.В. Указ. соч. С.162).